

Альбер Матъез

НОВОЕ о ДАНТОНЕ

Перевод с французского *Е.А.Гуревич*

М.-Л.: Московский рабочий. 1928. 156 с.

Предисловие *Цви/Григория Самойловича Фридлянда*

(в сканированном экземпляре изъято,

очевидно, после ареста и осуждения Фридлянда,

см. о нем <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#fridl>)

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2012

Другие работы А.Матъеза и материалы о нем:

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#amtz>

Все о Дантоне:

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#dnt>

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	5
История и легенда	15
Дантон в эпоху законодательного собрания	85
Дантон, Талон, Питт и смерть Людовика XVI	120
Братья Симон, банкиры и негоцианты	133

ИСТОРИЯ И ЛЕГЕНДА

Тема моя довольно обширна, потому что я хочу дать не общие фразы, даже не заключения, а доказательства.

О чем здесь идет речь? Речь идет здесь о том, правы ли те политики и публицисты, которые в 1887 и 1891 гг. воздвигли памятники Дантону сперва в Арси сюр Об, на его родине, а затем в Париже через сто лет после его казни, чтобы реабилитировать этого великого преступника, выступая таким образом против Национального конвента, против Революционного трибунала, против современников и всех республиканцев первой половины XIX столетия, которые все были единодушны в своих суждениях.

Надо знать, привели ли современные и новейшие защитники Дантона—доктор Робине, Антонен Дюбост, Жюль Кларети, наконец, Альфонс Олар — какие-нибудь веские, решительные аргументы для подкрепления этой запоздалой реабилитации.

Необходимо установить, не ускользнули ли случайно от их внимания важные документы, правильно ли они истолковали старинные документы,—одним словом, лучше ли они знали и судили Дантона, чем его современники, которые видели его дела и осудили его.

То обстоятельство, что в нашей Третьей республике существует культ Дантона, бывшего последней надеждой и постоянным защитником всех роялистов и всех негодяев своего времени, не должно служить причиной преклонения пред его памятью и забрасывания грязью великих республиканцев, имевших мужество покарать его гнусные поступки и его предательство.

Такова проблема, которую нам предстоит рассмотреть. Она очень проста. Если Дантон был неповинен в приписываемых ему преступлениях, тогда комитеты общественного спасения и общественной безопасности и весь Конвент, осудившие его, были виновны в убийстве. И пусть не говорят, что комитеты были терроризированы, что Конвент был терроризирован.

Таких людей, как Бильо Варенн, который первый потребовал казни Дантона, того Дантона, которого он хорошо знал, потому что он был его доверенным лицом и его секретарем, таких людей, как Колло д'Эрбуа, как Карно, как оба Приера, как Жанбон Сент-Андре, как Камбон, который был одним из первых и самых упорных обвинителей Дантона, не так легко было терроризировать, да еще кому!

И пусть не говорят, что Робеспьер был диктатором, что он устрашал, потому что в данном случае именно он, по словам Бильо Варенна, в трагическом заседании 9 термидора воздвигал больше всего препятствий к осуждению Дантона. Известно, что Бильо Варенн напомнил этот факт в виде упрека по адресу Робеспьера. И надо еще обратить внимание на следующее: Конвент не один раз, а дважды осудил Дантона.

Террор уже прекратился, так называемый диктатор был низвергнут, голова его скатилась на плаху, жирондисты вернулись, верховная власть принадлежала Конвенту, комитеты подчинялись ему, ничто не мешало его дебатам, когда 11 вандемьера, в день, соответствующий 3 октября, в годовщину осуждения жирондистов, великое собрание решило устроить чествование памяти своих членов, погибших в тюрьмах, на эшафотах или доведенных до самоубийства.

По предложению жирондиста Гарди, Собрание составило официальный список этих чествуемых и оплакиваемых жертв. В списке было 47 членов Конвента. Депутат от Об, Перрен, присужденный за взятки к 10 годам каторжной тюрьмы и умерший на каторге, фигурирует в этом списке; Камилл Демулен также фигурирует в этом списке, несмотря на свою ужасную «Тайную историю бриссотинцев»; там фигурирует также Филиппо; но напрасно стали бы мы искать там имена осужденных вместе с ними: бо,

Базира, Делонне д'Анжер, Фабра д'Эглантин, Дантона. Этим имен нет в списке. Никто ни на одной скамье не поднялся, чтобы исправить эти пропуски, никто, даже Куртуа де Л'Об, даже преданный Дантону соучастник его, мясник Лежандр, мужественно пытавшийся защищать Дантона, когда он был предан суду. Никто не сказал ни слова в этом заседании 11 вандемьера, и я повторяю, что это новое осуждение гораздо более позорит его, чем первое.

Это нанесенное ему после смерти оскорбление омрачило память Дантона до начала Третьей республики. Даже ораторы, которые выступали 14 июля 1891 г. у подножия памятника на бульваре Сен-Жермен при его открытии, признали этот факт.

Доктор Левро, выступивший первым, как председатель муниципального совета Парижа, назвал Дантона «великим человеком, подвергшимся клевете»; Пьер Лафитт, говоривший от имени позитивистов, благодарил муниципальный совет за его смелую инициативу: «Я говорю «смелую», потому что надо было обладать большою смелостью, чтобы преодолеть целую массу предубеждений против этой великой памяти». Но кто же были авторы этой мнимой клеветы? Величайшие люди нашей литературы, нашей науки, люди, которые всей душой были преданы революции и республике,—это были: Ламартин, Луи Блан, Виктор Гюго, Минье, Леон Клодель, памятник которому был недавно поставлен, Леконт де л'Иль, не считая Бюше и Ру, Лапоннере, Бартелеми, Орео и многих других.

Сам Мишле не был убежден защитой доктора Робине; он верит в продажность трибуна, он называет его «подкупленным мятежником, получившим деньги за защиту Двора»¹⁾; он верит всем обвинениям, выказанным против Дантона всеми современниками, придерживавшимися самых различных мнений и принадлежавших к самым различным партиям: Лафайетом и мадам Ролан, Леба и Ларевельер-Лепо, Бертраном де Молевилем и мадам Кавеньяк, лордом Голландом и Паганелем, Буонаротти и Левассером (де ла-Сарт) и многими другими.

Но я напоминаю обо всем этом только для того, чтобы установить тот факт, что мои исследования и мои заключения, будучи, может быть, новыми по отношению к защите последнего времени, являются, наоборот, очень консервативными по отношению к общему мнению XIX столетия. Я не внес ничего нового, я восстановил только старое, сильно укоренившееся предание и, надеюсь, показал, что предание это обоснованно, что законность его не вызывает никаких сомнений.

Теперь мы должны рассмотреть главные обвинения, которым подверглись Дантон и его компания: продажность, взяточничество, соглашение со всеми врагами революции, внутренними и внешними, чтобы уничтожить республику, заключить мир, вызвать

1) Мишле.—Edition définitive, t. IV, p. 489.

реставрацию. Вот что ставили в вину Дантону и его приближенным. Их упрекали в этом гораздо раньше процесса в Революционном трибунале, начиная с лета 1793 г.; публично, в газетах и с трибуны клуба якобинцев уже с 26 августа 1793 г. И эти упреки были повторены Сен-Жюстом, подтверждены Робеспьером, Конвент и Революционный трибунал признали их сперва в жерминале II года, а затем в вандемьере IV года.

Продажность и взяточничество. Эти два обвинения были неоднократно доказаны по отношению ко многим из единомышленников Дантона. Шабо, Базир, Делонне д'Анжер, Фабр д'Эглантин, шурин Шабо, называвший себя Фреем, австрийский банкир, настоящее имя которого было Добруска, поставщик аббат д'Эспаньяк, отъявленный мошенник—их всех судили вместе с Дантоном, и все они в самом деле были виновны. Шабо, в компании с Базиром, Делонне д'Анжером и Фабром д'Эглантин, не только нажился при ликвидации Индийской компании; он доставил паспорт английскому банкиру Бойду, агенту Питта, он вел тайные сношения с бароном де Бацом, он женился на сестре австрийских шпионов Фрей, получив за ней приданое в 200 тыс. ливров. Для Шабо не было оправдания.

Как бы цинично Фабр д'Эглантин ни отрицал свою вину, документы по этому делу уличали его; он участвовал вместе с Делонне в фабрикации подложного декрета о ликвидации Индийской компании; скептиков

я отсылаю к своей книге «О деле Индийской компании»; там они найдут два факсимиле, которые рассеют всякие сомнения.

Между прочим, я все жду возражений против этой книги; до сих пор мне никогда не сделали ни малейшего возражения.

Что касается Дантона, то было только доказано, что в то именно время, когда он был другом и покровителем всех этих мошенников, последние не без основания рассчитывали на него потому, что он неоднократно упорно защищал их с трибуны Конвента и вызвал этим знаменитое восклицание Бильо Варенна: «Горе тому, кто сел рядом с Фабром и поддается его влиянию!»

Базир в первом своем донесении, сделанном в комитетах 26 брюмера, припутал к делу Дантона; в подлинной записке, писанной его собственной рукой, он утверждал, что Жюльен из Тулузы, один из его сообвиняемых, говорил ему о том, что Делонне, соучастник Шабо, сообщил ему о плане, составленном вместе с Дантоном, о плане нажить большое состояние, а также о том, что Дантон и Делонне готовят вместе уничтожающий доклад против финансовых компаний. Наконец, Дантон сделал предложение об обесценении ассигнатов, которое было очень выгодно для этой компании. Без сомнения, Базир вычеркнул эти места при переписке начисто своего донесения. Об этом не было речи в Революционном трибунале, но Дантон, находившийся тогда в Арси сюр Об для

поправления здоровья, приехал в Париж, как только был предупрежден своим другом Куртуа, что Шабо и Базир собираются донести о деле Индийской компании. Он приехал в Париж, чтобы защищаться, и для своей защиты начал кампанию «в пользу снисхождения». Он сам сильно нуждался в этом снисхождении, и безусловно справедливы слова Сен-Жюста о сторонниках снисхождения:

«Они хотят сломать эшафоты, потому что боятся, что им самим придется взойти на них».

В Революционном трибунале не занялись подробно вопросом о личной ответственности Дантона в скандальном деле Индийской компании. По крайней мере, очень краткий отчет о заседаниях, помещенный в бюллетене Революционного трибунала, ничего об этом не говорит. Этот бюллетень не был официальным изданием. Я показал в исследовании по поводу процесса гебертистов¹⁾, что его редактор наверное был подкуплен дантонистами. Подтверждением этому служит тот факт, что бюллетень дал почти *in extenso* длинную защиту Фабра д'Эглантина и только в нескольких строчках главное показание Камбона, свидетеля обвинения.

Дебаты Революционного трибунала так скомканы, что по ним нельзя составить себе определенного понятия о личной ответственности Дантона в деле Индийской компании. Мы принуждены пользоваться

¹⁾ Это можно найти в моей книге «Robespierre terroriste».

архивными документами, фигурирующими или не фигурирующими в деле. Многие вещи, которые судьи и присяжные Революционного трибунала только подозревали на основании указаний, с тех пор были разъяснены и подтверждены позднейшими показаниями.

Современники — Сен-Жюст, Робеспьер, Лафайет, Бильо, Варенн и др. — были убеждены, что Дантон получал жалованье из сумм гражданского листа и от Ламетов. В настоящее время имеются доказательства, которых у них не было.

Я приведу сперва те из доказательств, которые говорят о *продажности*, а затем рассмотрю вопрос о том, *заслужил ли* Дантон деньги Двора, Ламетов и других лиц, подкупавших его, *служила ли* *ей политика на самом деле интересам контрреволюции*.

Начнем с продажности. Первым из посмертных и неожиданных обвинителей Дантона является Мирабо, и это ужасный обвинитель, потому что он находится у источника подкупа, потому что он в интимном письме без задней мысли говорит другу о вещах, которые ему хорошо известны. Прежний посланник при сардинском дворе, г. де Бакур издал в 1851 г. переписку, которую Мирабо вел почти ежедневно со своим другом, графом Ла-Марком, последний ввел его ко Двору и был его посредником. Один заслуженный ученый, Жюль Фламмермон, нашел в архивах в Вене несколько подлинников тех текстов, которые опубликовал г. де Бакур. Фламмермон показал, что Бакур

сделал некоторые сокращения, продиктованные ему его роялистским пиететом, но ни Фламмермон и никто другой не оспаривали совершенной подлинности опубликованных документов. Никто не обвинял Бакура в том, что он сделал добавления к текстам. Чтобы понять всю важность свидетельства, о котором я говорю, надо вспомнить, что Мирабо продан Двору в первый раз при посредстве одного из братьев короля (Monsieur) графа Прованского, будущего Людовика XVIII, в связи с делом Фавра; он продан тогда на четыре месяца. Во второй раз он продан по истечении этого срока в апреле 1790 г. на все время существования Учредительного собрания.

По условиям первого договора, оригинал которого находился в руках герцога де Блака (Blacas), но факсимиле которого было опубликовано на заглавном листе III тома собрания Густава Борда под заглавием «Вокруг Тампля», Мирабо получал вместе с обещанием посольства жалование в 50 тыс. ливров, за что он обязан был «помогать королю своими знаниями, своими силами и своим красноречием во всем, что один из братьев короля (Monsieur) найдет полезным для блага государства и в интересах короля,—две вещи, которые добрыми гражданами считаются неотделимыми одна от другой. В тех случаях, когда Мирабо не будет убежден в солидности представляемых ему мотивов, он будет воздерживаться от выступлений по этому вопросу».

По условиям второго договора, заключенного графом Ла Марком и австрийским посланником графом Мерси-Аржанто, Мирабо получил 208 тыс. ливров для уплаты своих долгов, 6 тыс. ливров в месяц, 4 билета по 25 тыс. ливров каждый, достигнув в общей сложности суммы в 1 млн., которая должна была быть уплачена ему при закрытии Собрания ¹⁾. Но в конце декабря 1790 г. Мирабо указал Двору в своих записках №№ 47 и 48 на настоятельную необходимость организации бюро тайной полиции и пропаганды, дабы знать все, что происходит в клубах, чтобы привлечь их руководителей, оказывать влияние на их дебаты, распространять в обществе благожелательные для монархии статьи с помощью подкупленных газетчиков. Для заведывания этим бюро он рекомендовал прежнего гражданского судью в Шателе, Антуана-Омера Талона, члена Учредительного собрания, имевшего связи среди якобинцев. Ла Марк поддерживал Мирабо, и бюро полиции начало функционировать в январе 1791 г. под высшим управлением Омера Талона, имевшего в своем распоряжении несколько миллионов. А в марте 1791 г. Мирабо, который принял этих людей на службу Двора, предоставил в их распоряжение большие суммы, одним из распределителей которых был министр иностранных дел Монморен. Мирабо был недоволен их поведением,

¹⁾ Baccourt, Correspondance de Mirabeau avec La Marck, t. I, p. 150.

он написал своему другу Ла Марку конфиденциальное письмо, которое я привожу in extenso:

«Мне необходимо видеть вас сегодня утром, дорогой граф. Действия Талона, Семонвиля и компании непостижимы. Монморен сообщил мне об этом, и я вчера узнал от него совершенно необычайные вещи не только относительно заведывания газетами, которые усердствуют в пользу Лафайета и против меня, но и относительно конфиденциальных сообщений и частных предложений совершенно особенного характера. Например, Бодец, Шапелье и д'Андре¹⁾ обедали в компании и слышали сообщения от Дантона и т. д. и т. д. (sic!) и вчера вечером в моем отсутствии внесли предложение уничтожить Венсен для приобретения популярности²⁾. Они отказываются говорить о законе об эмигрантах, опасаясь лишиться популярности³⁾. Они требуют от Монморена прокламации короля, сообщающей иностранным державам о революции, для приобретения популярности и т. д. и т. д. Дантон получил вчера тридцать тысяч ливров, и у меня есть доказательство, что это Дантон велел составить последний номер (журнала) Камилла Демулена⁴⁾.

(По этому поводу см. Sigismond Lacroix, Actes de la Commune de Paris, 2-e serie, t. II, p. 774). По Лафайету, Mémoires III, 55, возбуждая Сент-антуанское предместье отправиться в Венсен, чтобы разрушить замок, Мирабо хотел отвлечь из Парижа Национальную гвардию и ее коменданта на то

1) Три депутата, относительно которых Мирабо думал, что он их завербовал.

2) Шапелье внес это предложение на заседании 9 марта вечером, и Бодец поддержал его.

3) Мирабо был против всякого закона против эмигрантов.

4) В № 67. Révolutions de France et de Brabant. Камилл Демулен приписывал Мирабо мысль об уничтожении Венсенского замка.

время, когда «рыцари кинжала» (Les chevaliers du poignard) собирались в Тюильери, чтобы охранять отъезд короля в Нормандию.

«... Впрочем, мы увидим в чем дело. Обедаем ли мы сегодня вместе? Будут ли они там? Будете ли вы говорить с ними частным образом? Одним словом, нам надо повиаться.

Отсылаю вам ваш мандат, во-первых, потому, что он на имя Пеллана (Pellenc)¹⁾, что меня не интересует; во-вторых, потому что Пеллан, по его словам, болен и что таким образом он не пойдет к Самсону²⁾. А нужный мне человек уезжает. Возможно, что я рискую этими 6 тысячами. Но они, по крайней мере, потрачены более невинно, чем 30 тысяч Дантона. В сущности, большая глупость не быть мошенником в этом низком мире».

Это письмо Мирабо, написанное в то именно время со всей дружеской откровенностью, показывает разочарование человека, обманутого теми, кто состоит у него на жалованье. Оно является неопровержимым доказательством, что в марте 1791 г., когда Людовик XVI замышлял свое бегство в Варенн, Дантон состоял уже на жалованье Двора, что он был одним из самых видных деятелей, которых Мирабо и Талон привлекли в свое бюро роялистской пропаганды и тайной полиции. Такой убийственный документ, написанный непреднамеренно, должен был бы положить конец всем дебатам. И это именно и говорил Луи Блан. Но так как он не убедил защитников

1) Пеллан (Pellenc) — секретарь Мирабо.

2) Банкир Ла Марк.

Дантона, так как они приводили самые жалкие аргументы для опорочения этого текста, то я должен представить здесь другие документы, которые еще более подкрепляют свидетельство Мирабо, документы, которые не были известны защитникам Дантона.

Я приведу свидетельство самого начальника полицейского бюро Талона. Прежний гражданский судья в Шателе был человек ловкий, которого не мучили никакие сомнения, который всю жизнь думал только об одном: как составить себе состояние. Когда маркиз Фавра (Favras) в декабре 1789 г. составил заговор для убийства Байльи и похищения короля и когда заговор этот был раскрыт благодаря измене его агентов, Талон, которому было поручено расследование этого дела, оказал королю и одному из его братьев (Monsieur), графу Прованскому, очень большую услугу, убедив обвиняемого не впутывать в дело высокопоставленных особ, которые поощряли и субсидировали его смелое предприятие. Талон сохранил в тайне оправдательную записку, которую передал ему Фавра перед казнью, записку, в которой последний утверждал, что он только исполнял приказания одного из братьев короля (Monsieur) и королевы. Обладая этим компрометирующим документом, Талон мог держать в своих руках королевскую семью, и когда Мирабо и Ла Марк предложили его Двору на пост начальника тайной королевской полиции, оба вспомнили о существовании компрометирующего документа,

хранившегося у Талона, и прибавили, что это человек, которого надо остерегаться¹).

Понятно, ни Ла Марк, ни сам Мирабо не строили себе никаких иллюзий относительно бескорыстия Талона и его агентов. 26 января 1791 г. он писал: «Не надо упускать из виду, что люди, которых употребляют для этого дела, действуют в надежде нажиться на нем²).

Талон сохранил свое доходное место до крушения трона, и тогда, опасаясь ареста со стороны революционной Парижской коммуны, которая опечатаала уже его квартиру, он бежал в Англию, увезя, повидимому, с собой остаток доверенных ему денег — 2 млн. Сильно скомпрометированный документами, найденными в несгораемом шкафу, Талон был предан суду декретом Конвента от 3 декабря 1792 г. и подвергнут домашнему обыску уже 22 ноября. Он жил за границей все время революции, ездил в Соединенные Штаты, из'ездил всю Англию, где занимался выгодными спекуляциями с английским банком Беринга (Baring). Он так разбогател, что в состоянии был дать своей дочери, графине Кайла (Cailla), ставшей фавориткой Людовика XVIII, приданое в 300 тыс.

¹) См. переписку Мирабо с Ла Марком, t. II, pp. 398 и 414, письмо Ла Марка Мерси-Аржанто от 6 декабря 1790 г. и 47-е примечание Мирабо, t. II, p. 508, его же примечание 48, стр. 511, письмо Ла Марка королеве, стр. 521, письмо Ла Марка Мерси-Аржанто от 30 декабря 1790 г. и т. д.

²) Ibid., t. III, p. 23.

ливров. Во время консульства он считал возможным вернуться во Францию. Но полиция Бонапарта была хорошо организована. Он был арестован и помещен в Тампль, затем подвергнут допросу 28 сентября 1803 года Пьером Фарделем, членом комитета безопасности первого парижского округа. Очень любопытный текст его допроса хранится в Национальном архиве под литерой F 7. 6374.

Многочисленные, очень точные вопросы, предложенные ему, были заранее тщательно подготовлены верховным судьей, т. е. министром юстиции Ренье. И Ренье представил список своих вопросов на одобрение самого Бонапарта.

Привожу то, что касается нашей темы в этом документе, совершенно неизвестном защитникам Дантона.

На вопрос: «Какие особенные и тайные функции были поручены вам Двором?»—Талон признает, что ему поручено было «следить за личной безопасностью короля, следить за всякими несогласиями и действиями партии, которая была в оппозиции к большинству Собрания».

На следующий вопрос по поводу компрометирующих его документов из несгораемого шкафа, он отвечает, что он «принимал различные меры для защиты личной безопасности короля, предоставившего в его распоряжение суммы, которые он передал в руки Рандон де Латура, одного из пяти комиссаров казначейства».

Он указывает, что «меры, которые были ему поручены, состояли, во-первых, в общем надзоре над полицией, во-вторых, в надзоре над верными лицами в отрядах национальной гвардии и в клубах, в баталионах, которых старались проводить во дворец».

На вопрос: «Когда оставили вы Францию и куда направились тогда?»—он ответил, что покинул Францию 4 сентября 1792 г., тотчас же после убийств 2 сентября. *«Дантон, бывший в то время министром юстиции, дал мне паспорт в Гавр, откуда я отправился в Англию».*

Вопрос: «Кто посоветовал вам попытаться объединить прежних кордельеров, как вы сделали это во время существования Двора?» Ответ: «У меня никогда не было никаких сношений с кордельерами; я имел сношения с Дантоном, с целью узнать то, что могло касаться личной безопасности короля».

Но это не все. Талон не ограничивается признанием под присягой, что он привлек Дантона в свое дело надзора и что благодарный Дантон доставил ему паспорт, давший ему возможность скрыться от революционной полиции.

Вопрос: «С какими английскими министрами вы имели политические и дружеские сношения?»—«Собственно говоря, у меня никогда не было политических и дружеских сношений с английскими министрами; в то время шла речь о предложении по поводу переговоров относительно короля, находившегося тогда в тюрьме. *Дантон соглашался спасти всю*

королевскую семью посредством декрета об изгнании, я на собственный счет послал приятеля, чтобы сообщить об этом прусскому королю в Кобленце. Человек этот был снабжен рекомендательным письмом от герцога Гаркура (Harcourt), просившего о том, чтобы к нему отнеслись с доверием, на которое я не имел права рассчитывать, не будучи известен прусскому королю. Он обратился сперва к эрцгерцогине Христине, которая была тогда, кажется, в Рурмонде. Он сообщил ей, а также находившемуся с ней Электору¹⁾ из Кельна о своих поручениях. Меттерних отказал ему в паспорте для продолжения пути до Кобленца, но словесно уверял его, что напишет императору и прусскому королю и прибавил, что Стадион, бывший в то время послом императора в Лондоне, даст мне ответ. Он посетил меня в Лондоне, и я передал эти подробности Питту. Мне было указано, что иностранные державы отказываются от денежных затрат, *которых требовал Дантон*, хотя он ставил условием, что сумма будет ему уплачена только после того, как королевская семья будет передана в руки назначенных для принятия ее комиссаров».

Его спросили еще: «Кто был тот приятель, который был послан к прусскому королю и к императору?»— и он ответил: «Его зовут Эспри Бонне. Он живет в

¹⁾ Электор—владетельный князь (курфюрст) старо-германской империи, которым с XIII ст. предоставлено было право избрания императора.

Париже, улица Comartin». Искренность этого свидетельства не подлежит сомнению; это было через девять лет после смерти Дантона, у Талона не было никакого интереса осквернять его память рассказом о том участии, которое Дантон вместе с ним принимал в попытках спасти Людовика XVI. Он не думал повредить его репутации, наоборот: для Талона, оставшегося роялистом, революционер, предающий революцию, только заслуживает награды. Если бы у судьи возникло малейшее сомнение в истинности его слов, то не было ничего легче, как допросить Эспри Бонне, посредника, который был еще жив. Но это убийственное свидетельство Талона не только подтверждало первое свидетельство Мирабо, но мы можем сопоставить его с другими, столь же уничтожающими показаниями, показаниями Теодора Ламета в его воспоминаниях и с показаниями агента Питта, Майльза.

Три брата Ламет, Александр, Шарль и Теодор, после смерти Мирабо стали приближенными советниками Двора, который поддерживал их журнал «Le Logographe» еще до бегства в Варенн. Суммы, полученные ими и их агентом, прежним секретарем Мирабо, перешедшим на службу к ним, фигурируют в виде квитанций среди документов, найденных в несгораемом шкафу. Теодор Ламет говорит в своих мемуарах, переданных в 1883 г. на хранение в Национальную библиотеку за четыре года до того, как был воздвигнут первый памятник Дантону и

опубликованных только в 1913 г.¹⁾, что Дантон спас его брата Шарля, оставшегося в Руане после 10 августа, и снабдил его, Теодора, паспортом, давшим ему возможность эмигрировать в Англию и скрыться от революционеров. Он прибавляет, что вернулся из Англии ко времени процесса короля, *два раза виделся с Дантоном, что Дантон обещал ему свое содействие для спасения короля, в случае надобности даже силою*. Он говорит, что Дантон делал приготовления с этой целью вместе с Делакруа; кроме того, он определенно прибавляет в своих воспоминаниях, что Дантон делал все от него зависящее для спасения короля, пока у него была надежда добиться чего-нибудь; он не скрывает, что он, Теодор Ламет, был замешан в попытке Окарица — испанского поверенного в делах — подкупить членов Конвента. Но у Окарица не было достаточно денег, он пытался получить их у Питта. Речь шла о двух миллионах. Питт отказал. Талон с негодованием воскликнул: «Он хочет повторения судьбы Карла I».

Теодор Ламет определенно говорит, что Дантон раздавал деньги среди членов Конвента и что «Шабо был в это время одним из агентов Дантона, который хотел спасти Людовика XVI».

¹⁾ Опубликованы Вельвертом. Замечательно, что писатели-дантониисты, располагавшие историческим журналом, обошли молчанием эти рукописные мемуары, о хранении которых в Национальной библиотеке не могли не знать.

«Я не мог сомневаться относительно того, что тогда происходило, потому что для свидания с Дантоном я вернулся из Англии, где пробыл всего шесть недель, несмотря на только что изданный закон, присуждавший эмигрантов к смерти; я побудил Дантона к предпринятым им шагам»¹⁾.

Из недавно сделанного сообщения в газету *La Croix* (9 ноября 1925 г.), содержание которого граф Лекультей де Шамон, прямой потомок знаменитого банкира Лекультей де Кантлей²⁾, подтвердил и с точностью повторил мне в частном письме, мы узнаем, что из документов, оставленных его предком, и из его переписки с Окарицем, которая приложена к этим документам, следует, что Лекультей передал Окарицу во время процесса короля 2.300 тыс. франков для подкупа группы Шабо, и что Шабо получил 500 тыс. франков. Между тем, Теодор Ламет утверждает, что Шабо в данном случае был только агентом Дантона. Этим объясняется, почему Дантон так энергично защищал Шабо, замешанного в скандале с Индийской компанией, что скомпрометировал самого себя. Я, конечно, не поверю, что Дантон только два раза принял у себя Теодора Ламета, несмотря на строгость законов об эмиграции, что он обещал ему свое содействие для спасения короля и его семейства, не потребовав за это вознаграждения. Теодор Ламет говорит, что речь

¹⁾ См. мою книгу «Danton et la paix», p. 72.

²⁾ *Annales historiques de la Révolution française, de mars—avril 1926.*

шла о соглашении с кавалером Окарицем, испанским поверенным в делах, получавшим деньги из банка Лекультей. Но для большей достоверности у нас есть свидетельство двоюродного брата Дантона, Филиппа, которое я нашел в архивах и опубликовал в нашем историческом обозрении; он пишет в комитет общественного спасения во время процесса в жерминале и подтверждает перед многочисленными свидетелями, заявления которых мною опубликованы, что Дантон получил от Ламета пакет ассигнатов на 150 тыс. ливров. Филипп говорил, что знает это от жены Дантона ¹⁾.

Что Дантон воспользовался Талоном, чтобы вырвать у Питта требуемую им добавочную к 4 миллионам сумму, которую Окариц не мог дать ему за неимением кредитов, об этом говорит уже не только Теодор Ламет, но также дипломатический агент Питта, Вильям Август Майльз, который подтверждает это в то же время с точностью, не оставляющей никаких сомнений. Майльз, принадлежавший к партии вигов, состоявший в близких отношениях с шурином Гренвилля, английского министра иностранных дел, был уже использован Питтом в нескольких конфиденциальных миссиях — в Льеж накануне революции, затем во Франкфурт и Париж. Во время своего продолжительного пребывания во Франции в 1790 — 91 гг. он знал многих революционеров,

¹⁾ *Annales révolutionnaires*, t. IV, pp. 526 — 530.

наблюдал многое в клубе якобинцев, заседания которого он усердно посещал. Вернувшись в Англию, он старался помешать войне между Англией и Францией. Его переписка, представляющая большой интерес, была опубликована на английском языке в двух томах его внуком Пофамом Майльзом. Французские историки не были с ней знакомы или, если и знали, то не обращали на нее внимания ¹⁾. Эта переписка появилась в 1890 г., а через год после этого был открыт памятник Дантону на бульваре Сен-Жермен. В этой переписке имеется записка, писанная рукой Майльза, помеченная 18 декабря 1792 г., представляющая изложение разговора Майльза со старым аббатом Ноэль, агентом Дантона, посланным в Лондон после 10 августа; записка написана сейчас же после разговора. Привожу этот документ, являющийся блестящим подтверждением свидетельств Теодора Ламета и самого Талона.

«Посланное Исполнительным советом доверенное лицо, (т. е. аббат Ноэль) явилось сегодня вечером в половине десятого. Он объявил себя другом гуманности и, хотя был республиканцем, все же был вполне убежден, что смерть короля не принесет никакой пользы правительству Франции; что после того, как Людовик XVI был низведен до ранга простого гражданина, Франции больше нечего опасаться лишнего престола монарха; что Франция стремится не к казни человека, а к уничтожению королевской власти, и что последнее

¹⁾ Нельзя не удивляться молчанию, которое они хранили по поводу этой важной переписки, а также по поводу мемуаров Теодора Ламета.

в данное время вполне осуществлено. После этих довольно длинных предисловий он сказал мне, что видит в поведении Исполнительного совета тенденцию избегнуть пролития крови Людовика XVI; он предполагает, что Питт и правительство придают некоторое значение этому великодушному желанию. Затем он перешел к предложению сообщить мне единственный верный способ, посредством которого можно спасти жизнь короля. Он сказал мне, что один человек собирает в Лондоне средства, но так как он сам находится на подозрении (Талон только что был предан суду), то ему невозможно видаться с ним по этому вопросу. Он говорил о большом уме этого человека, о его большой находчивости, о его обширных познаниях, о том, что он играл активную роль в революции, сохранил хорошие отношения со всеми партиями и что, будучи близко посвящен во все дела короля, он один может добиться успеха в этом предприятии. Затем он спросил, соглашусь ли я говорить об этом деле с Питтом, прибавив, что не следует называть его самого, что ему больше нечего сказать об этом вопросе, но что он может назвать имя того человека и дать его адрес (Talon, 116 Sloane Street Chelsea), а затем я волен делать то, что сочту нужным. Я спросил его, каким способом Питт может вмешаться. Он ответил, что это должно происходить тайно, а не открыто. Я просил его объяснить. Но он заметил, что не может объяснить подробнее, что он изложил мне дело конфиденциально и что дело, поскольку оно его касается, должно этим ограничиться.

Подозревая, что здесь могла быть ловушка со стороны Исполнительного совета, чтобы выведать, не заинтересовано ли само наше правительство в сохранении жизни короля, и отдавая себе отчет, что в таком случае Англию могли бы обвинить в желании произвести контрреволюцию, я счел более благоразумным проявить крайнее равнодушие к жизни или смерти Людовика XVI, так что господин, пришедший ко мне, имел полное основание жаловаться на суровый и дурной

прием, оказанный ему по делу короля. Я находил также, что из осторожности надо поддерживать в Париже убеждение, что Питт поставил себе правилом ни в каком случае не вмешиваться во внутренние дела Франции, ни под каким предлогом, ни прямо, ни косвенно. Мне указали, что это дело тайное. Я ответил, что у меня слишком много опыта и знания света, чтобы допустить, что предлагаемое вмешательство может оставаться тайным более двадцати четырех часов, и что, так как мне известно отрицательное отношение Питта к вмешательству во внутренние дела Франции, в частности в вопрос о суде над королем, я должен отклонить предложение, не только в полном убеждении, что это совершенно бесполезно, но также и из чувства деликатности по отношению к самому Питту.

Он выразил желание, чтобы все сказанное им осталось строго конфиденциальным между нами, раз я не хочу говорить об этом Питту. Этим разговор закончился. Я видел, что он был очень доволен, узнав о нейтральности министерства. Выходя, он выразил надежду, что состояние Франции может послужить примером для Англии и предохранит нас от уничтожения нашей прекрасной конституции».

Этот текст вполне подтверждает сущность рассказа Теодора Ламета. Итак, вот еще один факт: в то время как Дантон с трибуны провоцирует королей, тайно он старается столкнуться с ними; он посылает к ним эмиссаров, чтобы выманить у них миллионы для спасения Людовика XVI; посылая, с одной стороны, эмигрантов на казнь, он, с другой стороны, принимает их у себя, защищает их, подает им надежды. Я читал в архивах министерства иностранных дел переписку Ноэля, этого агента Дантона, с Дантоном, с одной стороны, и с министром

иностранных дел Лебреном,— с другой. В нескольких местах речь идет о Талоне, который обозначен буквой Т. Из писем видно, что Ноэль согласует свои действия с Талоном. Очень часто в них также идет речь о деньгах. «В делах нужны три определенные вещи: положительность, тайна и деньги...» «Проложим золотой мост неприятелю...»

Я заметил также, что двоюродный брат Дантона Мерже и его сводный брат Рекорден сопровождали Ноэля в Лондон. Дантон не ограничивался словесными обещаниями Теодору Ламету. Не подлежит сомнению, что он сделал все, что мог, чтобы спасти короля и честно заработать деньги, полученные от Окарица.

23 декабря, через пять дней после бесплодной попытки Ноэля устроить через Майльза свидание Талона с Питтом, Робер, обремененный долгами журналист, бравшийся за всякие дела, которого поэтому сильно беспокоили в 1793 г., близкий друг Дантона, сделал в клубе якобинцев формальное предложение отложить процесс короля. «Он сказал, что патриоты не должны противиться отсрочке, которую может попросить Луи Капет. Он прибавил, что было бы вполне справедливо и соответствовало бы здравой политике, чтобы именно якобинец просил об отсрочке для Луи Капета». Но предложение это было плохо принято. Жанбон Сент-Андре и Альбит резко протестовали против этого поразившего якобинцев предложения об отсрочке. Очевидно, что это предложение было связано с попытками Ноэля и Талона в Лондоне и еще

более замечательно, что английские либералы, с которыми имел сношения Ноэль,—Фокс, Шеридан, Лендсдоун, в это самое время всеми силами поддерживали интригу Дантона. 21 декабря, за два дня до выступления Робера в якобинском клубе, лорд Лендсдоун предложил в палате лордов, чтобы Англия послала в Париж специального посланника ходатайствовать перед Конвентом и указать на тот особый интерес, который проявляет английский народ к судьбе Людовика XVI. Питт ответил Лендсдоуну, что подобный шаг унизил бы достоинство английского короля. В то же самое время была сделана еще одна попытка (родным братом Годоя) получить у Питта деньги, которых он не хотел дать. Брат Годоя специально для этого приехал в Лондон в начале декабря¹⁾.

В знаменитых заметках на полях, написанных Робеспьером на докладе Сен-Жюста, мы читаем по поводу Дантона: «Он не хотел смерти тирана, он хотел, чтобы ограничились его изгнанием, как и изгнанием Дюмурье, приехавшего в Париж вместе с Вестерманом, посланцем Дюмурье к Жансонне, и всех его сообщников-генералов, прибывших в столицу для убийства патриотов и спасения Людовика XVI. Сила общественного мнения повлияла на него, и он вотировал против своего первого предложения так же, как

¹⁾ См. депешу Ноэля от 13 декабря 1792 г., которая приведена в моей книге «Danton et la paix».

Лакруа, скомпрометированный заговорщик, с которым он мог объединиться в Бельгии только посредством преступления».

Робеспьер, как всегда, сказал правду. Известно, между тем, что Дантон в последний момент изменил роялистам и что он не ограничился тем, чтобы напыщенной угрозой тиранам, которым он бросил голову короля, поддержать свой вотум смерти, но что он вотировал также против отсрочки среди ропота на правой стороне, которая не ожидала этой циничной перемены фронта.

Чем объясняется этот окончательный поворот Дантона? Без сомнения, желанием популярности, но есть и нечто другое. *Питт не пополнил суммы, которую Дантон назначил Окарицу*; он требовал 4 миллиона, Окариц доставил только половину. Дюмурье, которому его близкая связь с Талоном, Ноэлем и Дантоном давала возможность быть хорошо осведомленным, говорит нам в своих мемуарах, что бестактность Бертрана де Мельвиля, прежнего морского министра, который был доверенным лицом Людовика XVI и затем эмигрировал в Лондон, глубоко оскорбила Дантона. Бертран во время процесса написал письмо Дантону, угрожая указать суммы, которые последний получил от Двора, если он не будет голосовать в желательном смысле. Не получив ответа от Дантона, Бертран исполнил свою угрозу. Он послал министру юстиции Гара пакет с документами, компрометирующими Дантона и жирондистов. Об этом сообщает не

только Дюмурье,—Бертран подтверждает это в своих мемуарах. Эдмонд Зелигман в своем замечательном труде «Правосудие во Франции во время революции», т. II, стр. 447, примечание 4, подтверждает, что посылка Бертрана де Мельвиля есть безусловно та, которая упоминается в описи Комиссии 21, гл. III, № 97, озаглавленная: «Посылка министру юстиции пакета из Лондона для защиты короля, адресованная Мальзербу, полученная 24 декабря 1792 г.».

Уже автор статьи «Дантон» в *Biographie Didot* Молле говорит, что посланные документы были скрыты министром юстиции Гара, близким другом Дантона. И, в самом деле, документы отсутствуют в делах комиссии 21, но следы их есть в описи. *Таким образом доказано многочисленными совершенно подлинными свидетельствами, что Дантон состоял на жалованье у Людовика XVI.* Об этом говорят Мирабо, Талон, Теодор Ламет, Бертран де Мельвиль, лица, которые руководили тайной полицией Двора и которые умели оценить его услуги. Письма агента Дантона, писанные именно в то время Ноэлю и самому Дантону, письма агента Питта, мемуары Дюмурье, документы, сохранившиеся в архивах, также подтверждают это.

Такое обилие доказательств должно быть достаточно убедительно, но я не хотел ничего оставлять скрытым, я хотел их проверить и даже подвергнуть их двойной проверке. Я проследил за защитниками Дантона на их собственной территории, в их последнем прибежище, не надеясь, впрочем, заставить их признать

свое заблуждение, но заставив их в течение 15 лет оставлять без опровержения мои доказательства.

Эта *двойная проверка*, результаты которой я здесь изложу по возможности кратко, состояла в расследовании того, верно ли, как утверждают защитники Дантона, что состояние его вовсе не увеличилось непомерно, что он вполне лойяльно и корректно распоряжался тайными фондами своего министерства; правда ли, что высказанное сперва в печати, затем в трибунале обвинение против Дантона в том, что он ограбил Бельгию во время своей миссии с Делакруа в армию Дюмурье, основано только на сплетнях. Наконец, двойная проверка на этот раз заключается в расследовании посредством изучения политического поведения Дантона: правда ли, как смело утверждают его защитники, что его поведение было честным, лойяльным, республиканским и патриотическим или же, наоборот, вполне обоснованы выставленные Сен-Жюстом и Робеспьером конкретные обвинения, признанные Конвентом и Революционным трибуналом.

Итак, я должен рассмотреть еще два вопроса: во-первых, вопрос *о состоянии Дантона*, во-вторых, вопрос *о его политической деятельности*.

* * *

Что состояние Дантона непомерно возросло, что его внезапное богатство и его роскошный образ жизни вызывали возмущение современников,—это настолько верно, что Дантону несколько раз приходилось давать

объяснения по этому поводу. И его объяснения сводились к утверждению, что его приобретения были сделаны из жалованья по должности адвоката в Советах короля, должности, которая была уничтожена вместе со всеми судейскими бюро с самого начала существования Учредительного собрания. Уже с апреля 1791 г. известный Куртуа, большой друг Дантона, впоследствии изгнанный из Трибунала за взятки, должен был защищать своего друга в «Письме к французскому патриоту».

Эти «клеветники» Дантона, эти «злые фронтеры», как говорит Куртуа, распространили слух, что «для него не было никаких препятствий, что это был человек, подкупленный одной из партий, что он фабриковал фальшивые ассигнаты». Так как брошюра Куртуа не положила конец распространению дурных слухов, то Дантон сам защищался в речи, произнесенной им 20 января 1792 г., когда он получил должность второго товарища прокурора коммуны в Парижской ратуше.

Он повторил то, что говорил уже Куртуа, то, что потом повторяли его защитники,—что национальные имущества он приобрел на свое жалованье. Но он никого не убедил.

Во время Конвента жирондисты, «бешеные», фейяны, гебертисты, робеспьеристы опять с большим единодушием повторяли это обвинение, и 23 февраля II года Дантон принужден был перенести унижение вторичной защиты своей частной жизни в клубе посреди

ропота и возгласов собрания. «Вы будете удивлены, когда я познакомлю вас со своей частной жизнью, когда вы увидите, что «колоссальное» состояние, которое приписывали мне мои и ваши враги, сводится к небольшому имуществу, которым я всегда владел».

Уже 26 августа 1793 г. в бурном заседании клуба якобинцев он, отвечая Геберу, на этот раз предложил своим клеветникам отправиться к его нотариусу для проверки его состояния. Журнал клуба следующим образом передает конец его речи: «Утверждали, что я обеспечил капиталом в 14 миллионов женщину, на которой я женился после смерти первой жены, потому что «мне нужны женщины», и что же? Это оказалось всего 40 тыс. ливров, которыми я давно владею».

Итак, вы видите, что Дантон несколько раз защищался по поводу быстрого роста его состояния и что тот упрек, который сделал ему Олар, единственный упрек,—что он слишком презирал клевету, что он воздерживался от опровержения ее, что этот упрек ни на чем не основан.

Но совершенно очевидно, что возражения Дантона не убедили никого из его современников. «Клевета», как говорят Куртуа, Олар, была так настойчива и так распространена, что составляла предмет мучения сыновей Дантона, ставших прядильщиками в Арси сюр Об и живших, как отверженные, до самой смерти. В царствование Луи-Филиппа один адвокат, человек добросовестный, Николай Вильоме, подготовлявший

историю революции, вышедшую около 1850 г., решил спросить сыновей Дантона, как он допрашивал уже Альбертину Марат о «Друге народа», Русселена де Сент-Альбен, секретаря Барраса, старого члена Конвента Сержана и т. д.

Получив письмо от Вильоме, сыновья Дантона в 1846 г. решили защитить память своего отца в очень подробной и обдуманно составленной защитительной записке, в которой они старались доказать, цитируя документы и цифры, что состояние Дантона на самом деле не возросло с помощью недозволенных средств.

Вильоме был убежден этой семейной защитой, в особенности, когда он проверил по архивам финансов, к которым он получил доступ, что должность Дантона оплачивалась суммой, упомянутой его сыновьями в их оправдательной записке.

Но опубликованные мною письма¹⁾ его к сыновьям Дантона доказывают однако, что у Вильоме были сомнения, потому что он неоднократно предлагал им вопросы о некоем Порнисе, сохранившем, повидимому, для Дантона огромную сумму; сыновья Дантона с горечью заявили, что они ничего не знают об этом Порнисе. Другим доказательством сомнений Вильоме является просьба его к сыновьям Дантона разрешить ему опубликовать их оправдательную записку, чтобы другие историки могли проверить истинность его слов;

1) В моих «Etudes robespierristes». I-re série, pp. 110—112.

Возникает вопрос: каким образом, из каких источников мог он уплатить менее чем в четыре года капитал в 53 тыс. ливров, который вместе с процентами составлял 60 тыс. франков? Защитники допускают, что для этого было достаточно доходов его конторы. Но совершенно бесспорно известно на основании точных и полных расследований Андре Фрибура, что за четыре года Дантон защищал всего 22 дела; большая часть из них представляла совершенно ничтожные дела. Надо заметить, что Дантон должен был содержать свою семью в течение этих четырех лет, в течение которых у него родилось двое детей. К 60 тыс. ливров дохода, которые он должен был иметь, чтобы уплатить свои долги, надо прибавить его личные расходы, жалованье клеркам и другие расходы. Я не думаю, чтобы нашлось много контор, которые продавались бы за сумму, в 4 раза превышающую чистый доход. Это пришлось бы допустить, если бы утверждение сыновей Дантона соответствовало правде.

Я сомневаюсь, чтобы Гюе де Пези (Hué de Paisy) так дешево продал Дантону такую доходную контору...

Но я рассмотрел опись имущества Дантона, составленную в жерминале и флореале, после его казни. Там я нашел, что Дантон купил в два приема, 24 марта 1791 и 12 апреля того же года, три национальных имени на сумму в 57.500 ливров; я нашел там также, что 13 апреля 1791 г. он купил у г-жи Пио де Курсель по акту, составленному у нотариуса

Труа, Одена, прекрасный дом в Арси сюр Об, расположенный близ Гран Пон, дом, в который он приезжал жить во время своих выездов на дачу и где он поселил свою сестру и своего зятя Менюеля. Этот дом стоил ему 25.300 ливров, кроме дополнительных сборов. Таким образом в две недели он приобрел имущество на 82.800 ливров. Он заплатил за них тут же наличными деньгами, между тем уплату за национальные имущества он мог отложить, так как для уплаты их имелся срок в 12 лет (за национальные имущества расплачивались в 12 сроков). Он ничего этого не сделал.

Он точно так же уплатил наличными деньгами 13 апреля 1791 г., в день покупки, за дом на площади Гран Пон. В 1794 г. во время составления описи его имущества эти четыре приобретения были оплачены целиком.

Это очень важный факт. В апреле 1791 г. Дантон имел в своем распоряжении около 80 тыс. ливров свободных денег, и это за несколько месяцев до оплаты его должности, оплаты, которая была произведена только 11 октября 1791 г. Но это еще не все.

Получив деньги за должность, Дантон продолжал со страстью крестьянина округлять свое землевладение постоянными покупками. Эти новые приобретения, полный список которых можно найти в приложении к одной из моих работ в *Annales révolutionnaires* за 1912 г., доходят до 43.650 ливров, не считая расходов на регистрацию. Если допустить, вместе

последней обстановки дала 1.617 ливров 15 су¹⁾. Таким образом четыре обстановки Дантона стоили в общем 30.261 ливр 39 су по низкой оценке.

Я говорю «по низкой оценке», потому что мебель на Cour du Commerce была оценена ниже ее стоимости, мебель в Севре и в Арси была продана в такое время, когда продажа имущества эмигрантов и осужденных была очень затруднительна, несмотря на падение ассигнагов. Наконец 700 ливров пожизненной ренты его матери и кормилице составляли из четырех процентов капитал в 12.500 франков.

Если мы сложим все эти суммы, мы придем к следующему результату: Дантон к моменту своей смерти владел значительным состоянием. 12 тыс. ливров родового имущества, 125 тыс. приобретенного земельного имущества, на 30 тыс. различной мебели и 12 тыс. пятсот ливров капитала пожизненной ренты — всего 179.500 ливров, сумма значительно меньшая, чем в действительности, потому что я ничего не сказал о сумме в 10 тыс. франков, назначенной его второй жене в его брачном контракте, ни о 30 тыс. ливров дара в пользу этой второй жены, сделанного теткой Дантона девицей Ленуар, на самом же деле самим Дантоном, как это выяснилось в клубе якобинцев.

¹⁾ См. Les Annales révolutionnaires, t. I, p. 413, d'après Le Temps du 24 février 1908. Le Temps говорит, что эти документы хранятся в муниципальных архивах Choisy-le-roi.

Если прибавить эти 40 тыс. ливров к 179.500, получится состояние в 219.500 ливров. Но из этой суммы надо вычесть мелкие долги по наследованию, которые сыновья Дантона в их защите подробно указали в сумме 16 тыс. ливров. Таким образом состояние Дантона к моменту его смерти в апреле 1794 г. было выше 203 тыс. ливров, а к моменту его первой женитьбы за семь лет до этого он всего-навсего владел половиной дома, которую он оценивал в 12 тыс. ливров.

Я показал в своем труде о состоянии Дантона¹⁾, что защитительная записка его сыновей содержит неточности и пробелы. Они утверждали, что получили в наследство 84.960 ливров, и из этого делают вывод, что состояние их отца не превышало этой суммы. Это совершенно неприемлемое заключение. Они забыли, что их отец два раза был женат, во второй раз женился через четыре месяца после смерти их матери, которую он страстно любил, и что его вторая жена предъявила требование об изъятии ее части имущества, составлявшей первоначально сумму в 40 тыс. ливров, указанную в брачном контракте; они забывают, что часть состояния их отца разошлась в продажах II и III года; стоимость эта была им возмещена лишь в виде бон на предъявителя, т. е. в бумагах, которые подверглись затем сильному обесценению.

¹⁾ Напечатанном в моих Etudes robespierristes, 1-re série.

Они не реализовали и половины дома в Арси, дома на rue de l'Arbre sec № 3 в Париже, проданного их опекуном во время их несовершеннолетия. Продажа дала 25 тыс. ливров. Они не считали также того, что получили в наследство от своего деда с материнской стороны — Шарпантье — 9 тыс. франков.

Мне поэтому кажется несомненным, что ко времени смерти Дантона его состояние превышало 200 тыс. ливров. И поэтому меня не удивляют обвинения в продажности, предметом которых он был.

На следующий день после его смерти администрация Управления регистраций (покупок и продаж нац. имущества) получила многочисленные доносы. Авторы этих доносов указывали лиц, которые, если верить им, были подставными лицами для других приобретений, скрытых Дантоном.

Подозревали, что дом в Севре, купленный на имя Шарпантье в октябре 1792 г., был куплен на деньги Дантона. Обеспокоенный Шарпантье должен был объявить о размере своего имущества.

Подозревали, что старый замок в Шуази Леруа, где у Дантона была квартира, был его собственностью, и номинальный покупатель, некий Фовель, постоянно подвергался допросам. Якобинцы Арси сюр Об возмущались «скандальным состоянием» Дантона; они указывали, что Дантон делал покупки в окрестностях от имени своей матери, двоюродной сестры и некоего Бажо, по прозвищу Торси, сына владельца амбаров табака. Эти расследования не были

доведены до конца, потому что 9 термидора быстро положило им конец. Таким образом встает вопрос: откуда же взялись у него деньги?

Я не могу допустить, чтобы Дантон, который в течение 4 лет защищал 22 дела, заработал сумму, необходимую для уплаты за его должность. Приобрел ли он внезапно богатство от своих общественных обязанностей или от политической деятельности? С тех пор, как его контора была закрыта, т. е. с марта 1791 г., Дантон не занимался профессиональной работой. Он состоял администратором парижского департамента по милости Мирабо; *но с конца 1790 г. функции эти были бесплатны*. В декабре 1791 г. он был назначен вторым товарищем прокурора Парижской коммуны и получал за это жалованье в 6 тыс. ливров.

Он был министром юстиции с 10 августа 1792 г. до 5 октября того же года, т. е. в течение 55 дней, затем был депутатом Конвента в течение 19 месяцев, и установленное законом вознаграждение составляло тогда 18 франков в день. Можно ли допустить, что Дантон делал такие большие сбережения из своего жалованья министра и депутата, что ими можно было объяснить его многочисленные покупки, большая часть которых была совершена и оплачена еще до его возвышения?

Надо быть большим оптимистом, чтобы утверждать, что Дантон отличался бережливостью. Его многочисленные квартиры и его образ жизни стоили очень

дорого. Предположение, что Дантон скопил больше 100 тыс. ливров из своего жалования в течение двух лет после закрытия его конторы, кажется мне фантастичным. В таком случае приходится отнестись серьезно к обвинениям и свидетельству современников. Приходится считаться с датами. 10 марта 1791 г. Мирабо в письме, которое я приводил, жалуется Ла Марку, что Дантон, получивший уже 30 тыс. ливров, нападает на него в газете Камилла Демулена. 24 марта 1791 г., через две недели после этого, Дантон делает свою первую покупку национального имущества.

Лафайет, занимавший такое положение, при котором он мог быть хорошо осведомлен, говорит в своих мемуарах, что восстание 18 апреля 1791 г., помешавшее Людовику XVI отправиться в Сен-Клу и провести там пасху, было спровоцировано Дантоном, который был подкуплен королем, чтобы доставить Людовику XVI явное доказательство того, что он больше не пользуется свободой движения в Париже, а превращен в пленника в своем дворце. Людовику XVI нужно было иметь тогда предлог для объяснения своего будущего бегства и для доказательства своему зятю, императору, что он решительно не может столкнуться с революционерами. По словам Лафайета, Людовик XVI переслал Дантону сумму, равную плате за его должность. Но именно в апреле 1791 г. Дантон сделал свои главные земельные покупки и заплатил за них наличными деньгами. За несколько дней

до 10 августа Дантон на основе нотариального акта дарит своей матери и своим близким родственникам право пользоваться своим новым домом в Арси сюр Об. А многочисленными свидетельскими показаниями подтверждается, что накануне 10 августа Двор вручил Дантону деньги. По этому поводу можно навести справку в мемуарах Лафайета, Малуэ, Болье и др., а также сравнить с важным сообщением Вестермана, комментированным в моей книге «Autour de Danton» («Вокруг Дантона»). Из счетов гражданского листа видно, что некий Дюран, который служил посредником между Двором и Дантоном, получил 10 тыс. ливров 2 августа 1792 г. Проводя дальше эту параллель, мы констатируем еще, что в то именно время, когда Дантон принимает у себя эмигранта Теодора Ламета и когда его агент Шабо получает 500 тыс. ливров из рук Окарица, т. е. во время процесса короля, с ноября 1792 до января 1793 г., Дантон делает затем новые приобретения в Об на 13.400 ливров. Очевидно, есть роковые совпадения, которые подкрепляют собранные нами веские доказательства.

Остается рассмотреть последний пункт, на котором я останавливаюсь только вкратце, чтобы покончить с вопросом о состоянии Дантона. Оставляя министерство юстиции, Дантон, согласно закону, должен был отдать отчет в своих расходах по должности. По этому поводу он 10 октября 1792 г. подвергся очень резкой критике со стороны Камбона, который упрекал его в том, что он деньги на чрезвычайные

и секретные расходы хранил в своей кассе министерства юстиции, а не оставлял их в казначействе, выдавая по мере надобности ассигновки на уплату его расходов: «подобный способ расходования министра юстиции нарушает всякий порядок отчетности».

Камбон упрекал его также в расхищениях. Он предложил заставить его дать отчет даже в его секретных расходах. Дантон плохо защищался. Конвент подверг его унижению и заставил опять давать объяснения своим коллегам из Исполнительного совета о расходовании секретных сумм. Так как он молчал, то 18 октября жирондисты опять подвергли его допросу; Дантон оправдывался критическими обстоятельствами, которые переживала страна после 10 августа: «Мы вынуждены были делать экстраординарные расходы, и я должен сознаться, что для большей части этих расходов мы не имели вполне законных квитанций».

Это признание вызвало бурю. Собрание новым декретом предписало министрам представить общее постановление, которым они должны были руководствоваться для оправдания своих секретных расходов. Во второй раз Конвент проявил уже недоверие к Дантону, которое усугублялось еще тем, что в том же самом заседании депутаты забросали цветами министра внутренних дел Ролана, представившего подробный отчет о всех своих расходах, как тайных, так и экстраординарных.

Так как Исполнительный совет не спешил с исполнением нового декрета, то Конвент повторил свой приказ после новых дебатов 25 и 30 октября. Три министра, члены старого Совета — Клавьер, Монж и Лебрен—решились, наконец, выгородить Дантона. Они потребовали от него, чтобы он познакомил их с употреблением сумм и сопроводил свой отчет представлением различных квитанций и оправдательных документов, которые они имели возможность проверить.

Но Камбон и Бриссо, как это ни странно, и после этого не отказались от своих нападков; они возобновили свою критику. Собрание переслало письмо министров в комиссию для проверки счетов. Но комиссия эта никогда формально не одобрила счетов Дантона и никогда не признала их.

В Революционном трибунале Камбон опять повторил свои обвинения по этому поводу, и даже сам Олар, очень снисходительно относящийся к Дантону, принужден был признать, что он был неправ, взяв себе главным сотрудником по министерству юстиции скомпрометированного человека, Фабра д'Эглантина, который располагал секретными фондами. Фабр был по уши в долгах. Он вместе с военным министром Серваном, другом Дантона, занялся поставкой обуви и выполнил ее так плохо, что вызвал резкие нападки со стороны нового военного министра, честного Паша.

С какой бы стороны мы ни рассматривали Дантона, мы видим, что он всегда был окружен ловкими дельцами, и притом—темными дельцами.

В моих предшествующих работах я описал деятельность некоторых из этих людей, аббата Эспаньяка, братьев Симон, Шуазо, Перрего; я не стану больше возвращаться к этому. Что касается разграбления Бельгии Дантоном и Делакруа во время отступления французской армии после поражений в Неервиндене, то я показал на основании архивных документов, что муниципалитет Бетюн в Па-де-Кале задержал три фургона с тонким бельем и серебром, отправленных креатурами Дантона по его приказу и предназначенных для него и для Делакруа.

Во время самого процесса Дантона депутат-монтаньяр Левассер (де ла Сарт) рассказал в клубе якобинцев, что, когда его фургоны были задержаны и его извозчик посажен в тюрьму, Дантон, только что вошедший в комитет общественного спасения, забрал документы и протоколы муниципалитета и департамента и замял дело. Левассер прибавляет, что он имел в руках это дело, так как состоял членом комитета Собрания, заведывавшего корреспонденцией.

* * *

Я перехожу, наконец, к третьей и последней части своего изложения, к политической деятельности Дантона и ее связи с деньгами. Мне иногда приходилось слышать от республиканцев, что они верят в продажность Дантона, что мои доказательства убедили их; но затем они прибавляли, что неважно то, что Дантон составил себе состояние, так как он в

то же самое время честно служил Франции. Эти люди верили еще, что Дантон был великим республиканцем, настоящим патриотом, которого школьные учебники не перестают восхвалять уже в течение 35 лет. Мне неизвестно, знают ли эти люди о ничном ответе этого уличного трибуна Лафайету, который упрекнул его в получении 4 тысяч луидоров от министра Монморена из сумм министерства иностранных дел: «Охотно дают 80 тысяч франков такому человеку, как я, но нельзя получить за 80 тысяч франков такого человека, как я»¹⁾.

Если анекдот верен, — а он совершенно в духе Дантона, — если Дантон так ответил Лафайету, то он еще раз этим ввел современников в заблуждение. Дантон не всегда обкрадывал людей, которые ему платили. Они часто получали достаточно услуг за свои деньги, и Робеспьер и Сен-Жюст не ошибались, когда клеймили Дантона как самого опасного врага республики, самого коварного, являвшегося последней надеждой неприятеля и эмиграции.

Его роль в процессе короля и в восстании 18 апреля 1791 г., предшествовавшем бегству в Варенн, известна. Я не возвращаюсь к этому, но я хочу дополнить этот очерк. В начале революции Дантон разыгрывал роль демагога в дистрикте кордельеров. Он увлек свой дистрикт в Версаль 5 октября 1789 г., защищал Марата против вооруженной силы, которая

¹⁾ Souvenirs de lord Holland, pp. 22—24.

хотела его арестовать в январе 1790 г., вел сильную кампанию против Лафайета, которого ненавидели Мирабо и Двор. Но, как только он вошел в Генеральный совет коммуны в августе 1790 г., он вдруг замолк. «Он стал другим человеком», — говорит его биограф Маделен.

Что же произошло? Когда Мирабо, человек близкий Двору, сблизился с Лафайетом из-за Федерации, Дантон стал согласовывать свое поведение с поведением своего тогдашнего патрона. Он перестал нападать на Лафайета, и только 10 ноября 1790 г. он проснулся от своего долгого молчания, чтобы внести в Учредительное собрание пламенную петицию Коммуны и ее секций против министров, отставки которых он требовал.

В письме к Мерси-Аржанто от 28 октября 1790 г., писанном в то время, когда началась кампания Дантона против министров, Ла Марк пишет: «Вам может быть, известно, что выступление против министров было вызвано Мирабо»¹⁾).

Но, что важнее всего, Дантон обвинял всех министров, кроме министра иностранных дел Монморена, того человека, который распределял секретные суммы гражданского листа в согласии с Мирабо. Нападая на министров, Дантон не только зарабатывал свои деньги, он восстанавливал свою популярность,

¹⁾ Vacourt, Correspondance de Mirabeau avec La Marck, t. II p. 28.

которая сильно в этом нуждалась, потому что в минувшем августе она сильно пострадала. Когда он был вновь избран своей секцией в Коммуну, избрание было отменено 42 другими парижскими секциями, ибо в это время человек не считался избранным, когда получил большинство только в своем квартале; надо было, чтобы избрание было подтверждено всеми другими кварталами Парижа — 42 секции из 48 отменили избрание Дантона. Выставленный кандидатом в мэры Парижа против Байльи, Дантон получил 40 голосов в то время, как Байльи получил 12.550.

За услугу, оказанную Мирабо в ноябре, он был вознагражден в январе своим избранием на должность администратора парижского департамента. Это избрание было сопряжено с большими трудностями, потребовалось несколько голосований, и осуществилось оно благодаря личному влиянию Мирабо на цензовых избирателей, избравших департаментский совет, целиком состоявший из умеренных. С этого времени Дантон снова начинает кампанию против Лафайета, который опять попал в немилость при Дворе. Вообще он не отличается щепетильностью в выборе средств. Лафайет уличает его во лжи, и совет департамента заставляет его подписать унижительный отказ от своих нападков на Лафайета. Но 2 апреля 1791 г. умирает Мирабо после ночной оргии. Теперь соперниками Лафайета являются Ламеты, которые становятся советниками при Дворе и распоряжаются гражданским листом. Дантон поступает в их распоряжение.

Король бежит в Варенн. Дантон совершенно не думает о республике, он отнюдь не поддерживает Робеспьера, требующего совещания представителей страны, созыва Конвента. Доверенное лицо Дантона, Фабр д'Эглантин, пишет тогда частное письмо, в котором говорит, что «идея французской демократии не укладывается у него в голове». Это письмо было напечатано в обозрении Олара в октябре 1799 г. Дантон думает только о перемене династии, он предлагает якобинцам назначить наместника короля; этим наместником может быть только герцог Орлеанский. Через несколько дней ему вместе с Лакло, alter ego принца, поручают редактировать знаменитую петицию, в которой якобинцы просят замены Людовика XVI «конституционным путем», т. е. регентства герцога Орлеанского.

В день избиения республиканцев на Марсовом поле 17 июля 1791 г. Дантон, предупрежденный утром Ламетами о неизбежной репрессии, отлучился из Парижа¹⁾. Во время жестокого преследования республиканцев Дантон спокойно жил в Арси сюр Об под защитой прокурора, генерального синдика департамента, Руньо, друга Ламетов. Он беспрепятственно пробирается в Англию, хотя для видимости против него издан был приказ о предании его суду. Протекция Ламетов продолжала его укрывать.

¹⁾ См. главу «Дантон и Дюран» в моей книге *Robespierre terroriste* и мой труд *Le club des cordeliers pendant la crise de Varennes*.

Провалившись на выборах в Законодательное собрание, получив до смешного ничтожное число голосов, он, наконец, был выбран вторым товарищем прокурора Парижской коммуны при поддержке Бриссо, относительным большинством при третьем голосовании. В декабре 1791 г. якобинцы, по совету Робеспьера, отказали Дантону в своей поддержке (в заседании 4 декабря 1791 г.).

Положение его становилось все более двусмысленным. В своей речи при вступлении в должность в Коммуне 2 января 1792 г. он отказывается от своих былых крайностей и идет навстречу умеренным. Когда был поднят вопрос о войне, он сперва становится на сторону Робеспьера, который мужественно борется против воинственной политики жирондистов, но внезапно умолкает и предоставляет Робеспьеру одному вынести всю тяжесть борьбы. Как мог он причинить неприятность Бриссо, который поддерживал его кандидатуру? Как мог он вступить в конфликт с Двором, который желал войны?

Защитники Дантона бросили неосторожный вызов сторонникам традиции и истины. «Приведите нам хоть одно обстоятельство,—говорили они,—когда Дантон играл на-руку королю»¹⁾. На это им очень легко ответить.

26 января 1792 г. Дантон возражает в клубе якобинцев против предложения Дуппе (Duppe), требующего

¹⁾ О л а р, *Etudes et leçons*, 1, p. 176.

образования гражданской гвардии для защиты Национального собрания. Кто мог воспользоваться отклонением предложения Дюппе, кто, кроме Двора, который имел гвардию, в то время как Национальное собрание было безоружно? 4 марта, когда якобинцы обсуждали организуемое ими празднество для швейцарцев Шатовье, жертв Буйлье, недавно освобожденных из брестской каторжной тюрьмы, Дантон грубо оскорбляет королевскую семью и это в то время, когда она подписала 110 ливров для покрытия издержек по празднеству. Сам Робеспьер протестует против этих ненужных оскорблений.

Не чувствовал ли Двор накануне войны необходимость доказать европейским монархам и общественному мнению всего мира, что он не может столкнуться с якобинцами? Не был ли он заинтересован в том, чтобы подвергнуться такому оскорблению по случаю акта великодушия? Не законны ли все наши предположения, когда мы видим, что через две недели после этих нападков Дюмурье рекомендовал Дантона Двору на пост министра юстиции или министра внутренних дел, в то время когда Двор решается возвести к власти друзей Бриссо для усыпления подозрений?

Несмотря на горячую рекомендацию Дюмурье и Талона, Дантон не был избран министром. Он опять в клубе требует насилия. 14 июня 1792 г. он предлагает заставить короля развестись с женой и отослать ее в Вену. Мария-Антуанетта, может быть, и не желала бы ничего лучшего.

Часто утверждали, что Дантон — вождь 10 августа, что он организовал восстание и руководил им, этим славным восстанием, которое уничтожило предательскую королевскую власть. Слишком легко поверили хвастовству Дантона по этому поводу. Робеспьер, а не Дантон, редактировал все петиции с'ехавшихся на праздник федерации, петиций, требовавших низложения Людовика XVI. У Робеспьера в доме столяра Дюпле, а не у Дантона помещался инсurreкционный комитет. Против Робеспьера, а не против Дантона начато было судебное следствие накануне восстания. В продолжение недели, предшествовавшей этому знаменательному дню, Дантон путешествовал по Арси сюр Об и вернулся только 9 августа, когда все уже было готово. Не Дантон об'единил восставших марсельцев и повел их против Дворца. Это сделал Шомет, это сделал Фурнье-американец. Они оба оставили очень полное описание восстания, в котором не говорят о Дантоне. Газета Люсиль Демулен говорит нам, что Дантон лег спать в эту памятную ночь, что за ним несколько раз приходили, прежде чем он решился отправиться в Коммуну. Все, что он рассказывал Революционному трибуналу по поводу своих действий, сплошная ложь. Например, он говорит, что составил смертный приговор против Монда, роялистского командующего Национальной гвардией; на самом деле, прежде чем высказаться, он выжидал, чтобы увидеть, какой оборот примет дело.

Защитники Дантона торжествуют по поводу его назначения в министерство юстиции, когда восстание одержало победу. В этом назначении они видят нечто вроде национальной награды, присужденной главе повстанцев. Они забывают, что Бриссо и жирондисты, выбравшие Дантона, до последней минуты относились враждебно к восстанию и *что они выбрали Дантона*, как об этом говорит Кондорсе, только для того, чтобы он помог им подавить демократическое и республиканское влияние, которое пугало их.

Преувеличивали роль Дантона в Исполнительном совете, говоря, что он своими смелыми речами, а также посылкой комиссаров в департаменты для усиления призывов содействовал национальной защите. Ему приписывали чуть ли не победу при Вальми и, благодаря оказанным в этом кризисе услугам, стыдливо умолчали о его роли в избении заключенных в Париже и заключенных Орлеанского верховного суда в Версале в сентябре 1792 г.

Совершенно верно, что он был против предложенного жирондистами переезда правительства в провинцию, в Блуа, в Тур или в Центральный Массив. Правда, его общественная роль, рассматриваемая сквозь призму его напыщенных речей, представляет нечто внушительное, но надо выяснить его закулисную роль. 3 сентября, на следующий день после взятия Вердена, он посылает одного из своих тайных агентов, доктора Шеветеля, к начальнику готовых восстать роялистов Бретани, к маркизу Ларуари. Шеветель

выдает себя Ларуари за честного роялиста (он знал его давно и лечил его жену). Он уверяет его, что Дантон в глубине души остался роялистом, и что если он проявил себя враждебно к предложению о перенесении резиденции правительства, то это было в интересах правого дела. Он передал ему письмо Дантона, опубликованное Теодором Мюре, которое содержало очень подозрительные уверения ¹⁾. Дантон хотел обмануть Ларуари. Он хотел удержать его в бездействии ложными сведениями, хотел помешать ему поднять запад, когда приближались пруссаки... Это позднее утверждал Шеветель по своем возвращении из Лондона, куда он отправился после своего путешествия в Бретань. Это вполне возможно. Имея дело с таким человеком, как Дантон, никогда нельзя было быть уверенным в его действительных намерениях. Можно было бы не беспокоиться, если бы его республиканская лояльность была выше всяких подозрений. Ну, до этого было далеко!

Я думаю, что, поддерживая связи с роялистами, посылая Шеветеля к Ларуари именно в тот момент, когда он посылал Ноэля и Талона в Лондон вести переговоры с Питтом, он хотел одним ударом убить двух зайцев.

Если бы герцог Брауншвейгский одержал победу, если бы он завладел Парижем и окончил войну восстановлением монархии, Дантон стал бы указывать

¹⁾ См. мою книгу *Danton et la paix*, p. 34.

реставрированному королю на свои сношения с роялистами Бретани, на покровительство, которое он оказал стольким роялистам, которых он спас от когтей Коммуны: Шарлю Ламету, Талейрану, Адриену Дюпору и т. д.; он указал бы на свое участие в торжестве порядка.

Наоборот, если бы пруссаки были отброшены, он хвастался бы перед революционерами тем, что в моменты самой сильной опасности он не сомневался в спасении отечества и революции, что он помешал эвакуации столицы; он оказался бы спасителем народа, и таким именно он остался в легенде.

Когда знаешь о Дантоне только по публичным декларациям, полным напыщенных и громких фраз, то думаешь, что он никогда, ни на одну минуту не сомневался в успехе нашего оружия, что никогда у него не являлась мысль о сделке, о переговорах с неприятелем: в воображении он остался человеком больших дерзаний. Но действительность от этого сильно отличается.

Накануне Вальми он через Ноэля предлагал Англии испанские колонии и одну из наших антильских колоний — Табаго, чтобы сохранить там нейтралитет.

На следующий день после Вальми, он через сомнительного Вестермана и беспутного Дюмурье вел переговоры с прусским королем; этими переговорами прусский король водил его за нос и, благодаря этим переговорам, спас свою истощенную болезнью, нуждающуюся во всем необходимом армию, которую легко

было отрезать от путей сообщения. Дюмурье, связанный с Дантоном, вежливо проводил Фридриха-Вильгельма до границы. Дантон сделался горячим поборником естественных границ, стал требовать аннексии Бельгии, левого берега Рейна, Женева, войны с Испанией, приводя таким образом в восторг доброго доктора Робине, который сравнивает его с Ришелье.

После поражений в Бельгии, после измены Дюмурье, которого он защищал до самой последней минуты и с которым поддерживал очень подозрительные сношения, он продолжал на трибуне свое патриотическое бахвальство, хотя в глубине души он не верил в победу, и у него была только одна мысль, не покидавшая его до самой смерти: возможно скорее и какой угодно ценой заключить мир с неприятелем, силы которого он считал непреодолимыми. Жорес первый разоблачил его подозрительные сношения с Дюмурье, а я после него еще более точно определил их.

Я посвятил целую книгу (*Danton et la Paix*) его пораженческой политике, в которой я доказал, что во время его короткого пребывания в Комитете общественного спасения он еще более энергично вел тайные переговоры, самые унижительные переговоры с Англией (миссия Митчелля и Метьюса), с Пруссией (миссия Депорта и Дебюиссона), с Австрией (миссия Проли и Дампьера).

Не было таких жертв, на которые не согласился бы Дантон, чтобы добиться мира. К счастью, Робеспьер

мешал его проектам. Первый Комитет общественного спасения, Комитет Дантона, был распущен 10 июля, а второй решил разговаривать с неприятелем только пушками. Но Дантон и его сторонники до конца вели интриги, чтобы поднять голодный народ против продолжения войны. Они пытались противиться посылке подкреплений в Савойю, куда вторглись пьемонтцы. Камилл Демулен громко советовал в своем *Vieux Cordelier* заключить мир; и последний номер его, вышедший уже после его смерти, является горячей филиппикой против войны и против Комитета общественного спасения.

Пытаясь ниспровергнуть революционное правительство, Дантон и его друзья рисковали лишиться революцию средств для победы над неприятелем; мир без победы мог повести только к гибели республики и к реставрации монархии. Революционеры были таким образом убеждены, что Дантон никогда не был искренним республиканцем, что он никогда не переставал быть тем, чем он так долго был: другом эмиграции, другом роялистов.

У нас в настоящее время имеется предостаточно сведений об истинных чувствах Дантона по отношению к республике. Уже на следующий день после объявления республики Дантон советовал герцогу Шартрскому, будущему Луи-Филиппу, в разговоре, который был им записан, приобрести популярность в армии. «Это весьма существенно для вашего отца и для вашей семьи, даже для нас». И он закончил

разговор, прибавив: «У вас есть большие шансы царствовать». Именно во время этого разговора Дантон хвастался тем, что устроил сентябрьскую резню. Нужно ли напоминать, что герцог Орлеанский, Филипп Эгалите, только благодаря личному вмешательству Дантона и против оппозиции Робеспьера был выставлен депутатом в Конвент от Парижа, последним в списке?

Дантон пытался спасти не только Людовика XVI; позднее он, по словам его друга Куртуа, пытался помочь побегу королевы. Герцогиня Шуазель, жена герцога Шуазеля, бывшего первого министра Людовика XV, доставила необходимые средства. Дело провалилось, по словам Куртуа, только потому, что в последний момент королева не пожелала покинуть Тамплъ одна: она хотела увезти также своих детей. Неопровержимое доказательство того, что Дантон был последней надеждой роялистов, дает нам журнал шведа Ферзена, близкого друга королевы Марии-Антуанетты. В августе и сентябре 1793 г., когда Ферзен и австрийский посланник Мерси-Аржанто, эмигрировавшие в Брюссель, узнали, что королеву отделили от дофина, и что ее препровождают в Консьержери, они видели только одно средство спасти ее раньше, чем она предстанет перед Фукье Тенвиллем: воздействовать на Дантона через посредство богатого банкира Дериба, который дал уже займы большие суммы денег Людовику XVI в момент его бегства в Варрен. Дериб принялся за дело. Он написал

Дантону и поехал в Париж в начале сентября. Брильянты, взятые у французского посланника Семонвилля во время его проезда через Вальтелин, должны были послужить для оплаты предприятия¹⁾. Но было уже слишком поздно. Дантон пал; в Комитете общественного спасения звезда его померкла, и начиная с 5 сентября уже господствовал гебертизм. Королева не была спасена. Известно, что Дантон не одобрял процесса королевы, подобно тому, как не одобрял процесс жирондистов, и что он оставил Париж и уехал в Арси сюр Об в начале октября под предлогом поправления здоровья, но, может быть, и в виде протеста. Когда союзники весною 1794 г. предприняли мирное наступление, чтобы свалить всю ответственность за продолжение военных действий на революционеров, они опять-таки думали воспользоваться для своих целей Дантоном. Тот же самый агент Питта, Майльз, с которым агент Дантона Ноэль вел переговоры во время процесса короля, писал 5 января 1794 г. французскому посланнику в Венеции, которым в это время был сам Ноэль, прося его предупредить Дантона, что английское правительство готово начать переговоры с французским правительством: «Сообщите немедленно мой адрес Дантону и просите его указать мне город в Швейцарии, где я мог бы побеседовать с ним по

¹⁾ См. Klinikorstrom, Fersen et la Cour de France d'après les papiers de Fersen.

вопросу о мире». В другом письме он прибавляет, что если Дантон не может передвигаться, ему следует только послать доверенное лицо в Лондон, и он примет его в собственном своем доме: «Я уже позабочусь о том, чтобы устроить ему свидание с министром», т. е. с Питтом.

Но Майльз действовал в согласии со своим правительством (письмо герцога Лидского, 20 января 1794 г.). Замечательно, что письмо Майльза было сообщено Ноэлем Дантону. Мы видим, таким образом, что кампания дантонистов за мир соответствовала желаниям английского правительства.

Современники были уверены, что Дантон оказывал услуги английской политике не бесплатно. В депеше нашего посланника в Лондоне Лалюцери от 29 ноября 1789 г. есть слова, касающиеся Дантона: «Я сказал (герцогу Орлеанскому, имевшему тогда чрезвычайную миссию в Лондоне), что в Париже есть два англичанина,—один по имени Дантон и другой по имени Паре¹⁾, которых некоторые подозревают в том, что они состоят специальными агентами английского правительства... Я не знаю, предпринимались ли меры для расследования, находятся ли в самом деле эти лица в Париже». Когда эта депеша была написана, известность Дантона не распространялась еще за пределы его квартала. Посланник не знал даже

¹⁾ Паре был тогда секретарем у Дантона. В августе 1793 г. Дантон предложил назначить его министром внутренних дел.

его имени, которое было раскрыто ему полицией: замечательно, что он думал, что Дантон англичанин. При его аресте в жерминале в бумагах Дантона было найдено письмо, адресованное министерством иностранных дел (Foreign Office) банкиру Перрего с поручением уплатить значительные суммы некоторым лицам, названным инициалами, в награду за услуги, которые они оказали Англии, разжигая страсти в клубе якобинцев и заставляя их принимать крайние меры.

Для того чтобы письмо, интересующее Дантона лично, могло очутиться у него, оно должно было быть ему передано Перрего. По некоторым признакам весьма вероятно, что этот документ и был сообщен присяжным Революционного трибунала в совещательной комнате, чтобы заставить их преодолеть последние колебания.

Когда агент Питта Майльз узнал об осуждении Дантона, он в письме к Ноэлю от 11 апреля 1794 г. писал: «Дантона больше нет. На основании личного знакомства с этими четырьмя лицами я давно предсказывал его падение, как торжество Робеспьера. Дантон в феврале 1793 г. стремился к регентству. Я знал тогда от самих заинтересованных лиц, что он помог везду во Францию нескольких роялистов. Его не считали неподкупным».

В это же самое время американский посланник в Париже, губернатор Моррис, писал в Вашингтон 10 апреля 1794 г.: «Дантон всегда думал, и это

составляло его несчастье, что система народного управления во Франции нелепа, что чернь слишком невежественна, слишком непостоянна, слишком испорчена, чтобы создать администрацию, основанную на законности, привыкшую повиноваться; ей нужен господин. Он был слишком необуздан в удовлетворении своего честолюбия и слишком слаб, чтобы добиться высшей власти. Притом он скорее стремился к приобретению большого состояния, чем к славе».

Эти свидетельства лиц, занимавших высокое положение и потому бывших в курсе событий и не заинтересованных в этом деле, должны быть отмечены историей.

Дантон пал, главным образом, по обвинению в заговоре против республики, в сношениях с ее врагами. Не подлежит сомнению, что заговор действительно существовал.

Старый друг Дантона, министр внутренних дел Гара, говорит в своих мемуарах, что Дантон сам поверял ему свои тайны, вернувшись из Арси, вызванный в столицу скандалом Индийской компании. Речь шла не более, не менее, как о гибели революционного правительства и о восстановлении монархии.

По словам Гара, Дантон предполагал посеять раскол в комитетах, вызвать их обновление и, если он потерпит неудачу в Конвенте, уничтожить их одним насильственным актом. Затем, придя к власти, Дантон решительно повернул бы направо и заключил бы

мир. Он отменил бы республиканскую конституцию, вернул бы богатым их влияние, разрешив им отмену максимума. Он вернул бы эмигрантов и ликвидировал бы революцию, заключив договор со всеми ее врагами. Реставрация произошла бы не в 1814 г., а на 20 лет раньше. Внимательное изучение поведения Дантона и его друзей в последние месяцы их жизни ясно указывает, что Гара говорил правду. Надо заметить, что он очень симпатизирует Дантону.

Чтобы доказать, что все произошло бы так, как ему говорил Дантон, я могу только отослать читателей к третьему тому моей *Révolution française*, где я вкратце нарисовал ту страстную и маккиавеллистскую борьбу, которую вели Дантон и его друзья с правительством в самый критический момент террора.

* * *

Я об очень многом распространялся, и все же я далеко еще не все сказал. Я полагаю, что вел свои исследования *sine ira et studio*, без гнева и без ненависти.

Почему бы я стал относиться с ненавистью к памяти Дантона? В том возрасте, когда я кончал свое учение, ему воздвигали памятники. Я изучал историю по книгам, которые прославляли его, и только мало-помалу, после долгого и упорного труда, я освободился от целой массы заблуждений, которые были мне внушены. Никто не скажет, чтоб тернистый

путь, по которому мне пришлось идти, особенно содействовал моей карьере. Но я полагал, что истина имеет свои права, и я решительно стал доискиваться ее. Я высказал здесь свое глубокое убеждение, основанное на двадцатипятилетнем труде, против которого я все еще жду возражений.

Робеспьер, Сен-Жюст и все современники судили правильно. Все те люди, главой которых был Дантон, были только беззастенчивыми людьми. Они стремились только к личным выгодам, готовые из-за наживы погубить революцию и Францию. Они погубили бы республику и отечество, если бы восторжествовали над честными людьми.

Но у многих может возникнуть еще последнее возражение: каким образом почти через сто лет эти рыцари без страха и упрека, так справедливо осужденные, могли ввести в заблуждение честных писателей и истинных республиканцев?

Во-первых, писатели, которых я назвал, не были учеными, искушенными в деле применения научных методов. Они были введены в заблуждение серьезным характером защиты сыновей Дантона; они не умели проверить их цифры и отнестись критически к их утверждениям.

Затем они находились под личным влиянием человека, занимавшего высокое положение в министерстве народного просвещения, Арсена Дантона, бывшего учеником Мишле в Нормальной школе, ставшего главой министерства народного просвещения в

кабинете Вильмена и кончившего свою карьеру в качестве главного инспектора университета при Наполеоне III. Очень гордый своим именем и дальним родством с великим революционным трибуном, Арсен Дантон проявил редкое упорство в деле его реабилитации, очень хорошо поставленном благодаря его положению в министерстве народного просвещения и его связям с писателями.

Наконец, позитивистская школа, по странному заблуждению, выбрала себе предшественника в лице одного из членов клуба кордельеров, беззастенчиво стремившегося только к личной наживе. Как бы он был удивлен, если бы мог видеть себя награжденным этим интеллектуальным потомством! Позитивистская школа, к которой принадлежали доктор Робине, Пьер Лаффит, Антонен Дюбост, оказала огромное влияние на формирование тех государственных людей, которые создали Третью республику.

Прибавлю еще, что в 1880 г. обстоятельства были благоприятны для этой реабилитации. Это была эпоха освобождения от влияния клерикализма, когда от Робеспьера отвернулись потому, что казалось, что он недостаточно ревностно выступал против религии. Это было также после войны 1870 г.; от Дантона в памяти сохранились только эффектные фразы, грубый патриотизм; его рассматривали сквозь призму Гамбетты. Наконец, «моральный порядок» победил только с помощью объединения всех тесно связанных республиканских сил. Дантон, который считался

со всеми партиями и служил им, Дантон, который постоянно протягивал руку жирондистам, казался символом республиканского объединения, необходимого для победы.

Историки — только люди, они испытывают на себе бессознательное давление обстоятельств и той эпохи, в которую они живут. Они переносят в прошлое неправильные аналогии с настоящим. Эта ошибка при изучении истории революции встречается чаще, чем во всякой другой истории, потому что история революции больше возбуждает страсти различных партий, которые ищут в ней оружие для своей полемики.

Рассматривая эту проблему, я в свою очередь старался отвлечься от всяких соображений, чуждых науке. Политика не имеет никакого отношения к истории, заслуживающей этого имени. Не история должна искать в политике вдохновения и подтверждения, а скорее, наоборот, политический деятель, если он искренен, должен следовать указаниям истории.

Представительный режим, подобный режиму Франции, имеющий только видимость демократии, режим, при котором народ раз в четыре года опускает в урну клочок бумаги и голосует за тех, которые на следующий день с презрением отворачиваются от него, — этот так называемый демократический режим покоится только на честности, на совести избранных. Если избранный предаст избирателей, все рушится. Всеобщее избирательное право заслуживает

насмешки, потому что оно не сумело еще завоевать референдум, которым наши соседи-швейцарцы пользуются уже более пятидесяти лет.

Нет двух понятий о честности, честности личной, которую ни во что не ставят, с одной стороны, и честности общественной, с другой стороны, которая одна только необходима; есть только одна честность. И если из истории Дантона можно извлечь какой-нибудь урок, то именно этот урок. И в настоящее время, пожалуй, не бесполезно об этом напомнить.

ДАНТОН В ЭПОХУ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ¹⁾

„Назовите хоть один случай, когда Дантон играл бы на-руку Людовику XVI“.
Aulard, Etudes et leçons, I, p. 178.

Тот, кто хоть немного знаком с деятельностью и писаниями Дантона, не будет удивлен строгим приговором, вынесенным ему Робеспьером в известных заметках, на которых Сен-Жюст построил свое обвинение: «Разберите все политическое поведение Дантона, и вы увидите, что репутация человека, преисполненного гражданских добродетелей, которой он пользовался, была создана интригами, и что не было такой губительной для свободы меры, на которую он бы не согласился»²⁾. Легко проверить это мнение для 1790 и 1791 гг. Я постараюсь сделать это и для 1792 г.

Дантон жадно стремился к высокому положению и к почестям. Во время варренской истории (бегство короля

¹⁾ «Autour de Danton», гл. III.

²⁾ Я дал критическое издание заметок Робеспьера в моей книге Robespierre terroriste.

в Варрен — июль 1791 г.) и кровопролития на Марсовом поле он разрешил своему другу Фрерону предложить его в своей газете на должность мэра Парижа, которая не была вакантной. В то же время ходили слухи, что некоторые члены клуба кордельеров предполагают провозгласить Дантона народным трибуном ¹⁾.

Дантон, который сомнительным способом, благодаря покровительству Ламетов, избежал судебных репрессий, последовавших за избиением республиканцев, возвратился из Англии как раз во-время, чтобы принять участие в работах избирательного собрания, назначавшего парижских депутатов в Законодательное собрание. Он вступил в число соискателей кандидатуры с упорством, достойным лучшего применения. Он был кандидатом во всех списках и никогда не получал больше 40 голосов.

Когда Байльи к моменту открытия Законодательного собрания подал в отставку, должность мэра оказалась вакантной. Петион был избран 16 ноября 1791 г. против Лафайета — 6.708 голосами против 2.123, поданных за Лафайета. После Байльи в свою очередь подал в отставку прокурор Коммуны. Друзья Дантона упорно хлопотали. За него 16 ноября 1791 г. кордельеры послали депутацию к якобинцам

¹⁾ Procédure de Champ de Mars. Показание Алмана и Руселя в моем сборнике о клубе кордельеров во время варренского дела и кровопролития на Марсовом поле, pp. 233 и 337.

с просьбою поддерживать кандидатуру Дантона. Но якобинцы, через Дюбуа Крансе, бывшего председателем, отказались дать свое согласие под тем предлогом, что не нужно посягать на свободу выборов. Голосование произошло на третий день. Из 5.252 голосов Дантон получил только 735, Манюель — 2.012, а умеренный Кайе де Жервиль — 1.637 голосов. При перебаллотировке 2 декабря Манюель был избран 3.770 голосами против 1.541 голоса, поданных за Кайе де Жервиля.

Кайе де Жервиль, который был уже вторым товарищем прокурора Коммуны, был королем назначен министром внутренних дел. Его надо было заменить в городской думе. Дантон опять был выставлен кандидатом. Один из его агентов, который впоследствии был обвинен в краже, во всех отношениях подозрительный субъект, Велен д'Обиньи, 4 декабря 1791 г. опять предложил якобинцам поддержать кандидатуру Дантона. На этот раз Робеспьер посоветовал якобинцам не делать этого, и якобинцы воздержались, вопреки Реалю, который взял на себя защиту Дантона ¹⁾.

¹⁾ E. Hamel. Histoire de Robespierre, 1866, t. II, p. 28, или Journal des debats de la société des amis de la Constitution, № 105. Мы напрасно стали бы искать упоминания об этом важном инциденте в сборнике Олара La société des jacobins, t. III, p. 271. Но это не единственный случай неполноты этого сборника во всем, что касается вмешательства Робеспьера.

6 декабря 1791 г. Дантон был, наконец, избран относительным большинством, 1.162 голосами против 654, поданных за Колло д'Эбруа, 599, поданных за Жирара, 179 — за Гарди (Hardy), сотни голосов за других кандидатов.

Товарищи прокурора получали жалованье в 6 тыс. ливров. Роль их состояла в том, чтобы замещать прокурора во время его отсутствия или когда он бывал занят. Но прокурор был человек активный. Манюель не оставлял много работы своим товарищам, и переход Дантона в Коммуну не оставил никаких следов. Олар признает, что полученное Дантоном место было синекурой. Дантон, вероятно, считал его трамплином для более высоких назначений.

Речь, произнесенная им 20 января 1792 г. во время вступления в должность, была речью честолюбца, который, обеспечивая за собою настоящее, старается открыть себе карьеру в будущем. Сперва он представляет свою подробную защиту. Тем, которые обвиняли его в получении субсидии, он отвечает, что приобретения свои он сделал на деньги, полученные в уплату за его должность адвоката в Советах. Затем он обращается к благонамеренным патриотам, которые боятся бурь, т. е. к умеренным буржуа. Он дает им свою физическую и моральную характеристику: «Природа наделила меня атлетическим сложением и суровой физиономией свободы. Не имея несчастья принадлежать к одной из

привилегированных, почти всегда вырождающихся рас, я сохранил всю свою природную силу, создавая сам свое общественное положение, не переставая, однако, ни на один момент доказывать как в своей частной жизни, так и в избранной мною профессии, что я умел соединять хладнокровие и разум с душевным жаром и твердостью характера». И вот он старается доказать робким патриотам, что репутация беспокойного человека, которой он пользовался, ни на чем не основана. Он знает, что теперь стремятся к легальности, что парижская буржуазия испугалась республиканского и демократического движения в июле месяце. И, не колеблясь, он готов, если не осудить движение, то во всяком случае уменьшить свое личное участие в нем. Он говорит о своем химерическом участии в подаче петиции, получившей слишком трагическую известность¹⁾. И после этого он выступает защитником порядка, стражем законности: «Я выбран для поддержания конституции и должен следить за исполнением

¹⁾ В действительности Дантон принимал активнейшее участие в подаче первой петиции Марсова поля, в подаче орлеанистской петиции, 16 июля, которую он редактировал вместе с Бриссо. Верно, что он не принимал участия в подаче второй петиции, в республиканской петиции 17 июля, и он имел на это основания. По совету Ламетов, которые предупредили его, что ему опасно оставаться в этот день в Париже, он уехал в деревню, между тем как кордельеры давали себя избивать на алтаре отечества. Дантон, по своему обыкновению, говорит обиняками.

законов, утвержденных народом, я сдержу свои клятвы, я исполню свои обязанности, я всеми силами буду поддерживать конституцию, только конституцию, потому что это значит в одно и то же время защищать равенство, свободу и народ». Затем идет определенно роялистское profession de foi: «Архивы всего мира доказывают, что народ, связанный своими собственными законами с конституционной королевской властью, никогда первый не нарушит свои клятвы; народы лишь тогда меняют или преобразовывают свои правительства, когда они вынуждены к этому излишним угнетением. Конституционная монархия может существовать во Франции дольше, чем существовала деспотическая монархия... Да, господа, я должен это повторить, каковы бы ни были мои личные взгляды на людей и на события во время пересмотра конституции, теперь, когда она подтверждена присягой, я определенно выскажусь за смерть того, кто первый осмелится святотатственно поднять на нее руку, хотя бы это был мой брат, мой друг, мой собственный сын: таковы мои чувства». Успокоив таким образом буржуазию относительно своей монархической лояльности, он обращается к санкулотам, поддержки которых он не хотел терять: «Я посвятил всю свою жизнь народу, который больше не будет подвергаться нападениям, которому больше нельзя будет безнаказанно изменять, и который скоро очистит землю от всех своих тиранов, если они будут продолжать идти по тому

пути, по которому шли до сих пор; я готов погибнуть, защищая дело народа; если это будет нужно. Ему одному принадлежат мои последние желания, он один заслуживает их. Его ум вывел его из жалкого состояния ничтожества, его ум и его мужество дадут ему вечность». Таким образом, Дантон, *двуликий Янус*, одной рукой протягивал масличную ветвь мира, а другой рукой потрясал шпагой.

Так как ему нечего было делать в городской думе, то он мог целиком посвятить себя работе среди якобинцев. Он усердно посещал клуб, но, как справедливо говорит Робеспьер, «пока существовало Законодательное собрание, он молчал, он сохранял нейтралитет в тяжелой борьбе якобинцев против Бриссо и против жирондистского заговора. Сперва он поддерживал их мнение об объявлении войны. Затем, под влиянием упрека патриотов, доверия которых он не хотел терять, он сделал вид, что хочет сказать несколько слов в мою защиту и заявил, что он внимательно следит за обеими партиями; после этого он замолчал. Именно в это время, видя, что я один подвергаюсь клевете и преследованиям этой всемогущей партии, он сказал своим друзьям: «Раз он хочет погибнуть, пусть гибнет, мы не должны разделить его судьбу». Лежандр сам передал мне эти слышанные им слова»¹⁾. Факты и документы еще раз доказывают, что Робеспьер был прав.

¹⁾ Robespierre terroriste, p. 101.

Если был критический момент в истории революции, то это был тот момент, когда руководители революции по инициативе Бриссо, начали в апреле 1792 г. войну против королей. Это Бриссо, глава жирондистов, предложил Людовику XVI потребовать от германских князей, чтобы они рассеивали скопления эмигрантов на наших границах. Это он таким образом доставил Двору предлог вызвать вмешательство иностранцев в наши внутренние дела. Разжигая войну, Бриссо не только надеялся разбить эмиграцию и контрреволюцию, но он особенно хотел испытать искренность Людовика XVI, заставить его сделать окончательный выбор между нацией и эмигрантами, заставить его принять для руководства войной министров патриотов, друзей Бриссо. Война, которой, может быть, можно было бы избежать, была таким образом до известной степени результатом интриг.

Был только один человек, который с замечательным мужеством и с пророческой прозорливостью пытался выступить против воинственного течения, разжигаемого Бриссо, человек, который с самого начала один против всех указывал на огромные опасности, которым подвергалась революция благодаря затеваемой аванюре, человек, который разоблачил министерские скрытые мысли Бриссо, который за войной угадывал призрак военной диктатуры, гражданской войны, истощение Франции, сопротивление народов, конец свободы. Это был Робеспьер. Сторонники Гюаде и Бриссо смешивали его с грязью,

обвиняли его, что он играет на-руку Двору, что он подкуплен Двором, чтобы вызвать раскол среди патриотов и спасти эмигрантов. Когда он отказался от должности общественного обвинителя, чтобы целиком отдаться борьбе против войны и против Жиронды, они напечатали, что он подал в отставку по просьбе мадам Ламбаль, присланной к нему королевой!

В этой борьбе Робеспьер не мог рассчитывать на содействие Дантона. Дантон сохранял нейтралитет и хранил почти такое же полное молчание, как и за год до этого, когда Робеспьер начал борьбу против цензового избирательного права, введенного Учредительным собранием.

Понятно, что борьба между Бриссо и Робеспьером поставила Дантона в крайне затруднительное положение. Из всех больших патриотических газет, одна только газета Бриссо, *Le Patriote Français*, или почти она одна, приветствовала кандидатуру Дантона на место товарища прокурора Коммуны, между тем как якобинцы отказали ему в своей поддержке. Когда Дантон был избран, Бриссо писал, что этот выбор делает большую честь здравому смыслу парижских граждан, что он доказывает, что невозможно подкупить с'езды избирателей и долго обманывать их. Сопоставьте эти слова с речами жирондистов Горса и Кондорсе!

Горса, который уже разгадал Дантона, энергично боролся против его кандидатуры: «Общественное

спокойствие настойчиво требует его устранения. Человек, который во время беспорядков был намечен народным трибуном, не годится для места, которое требует успокоения страны»¹⁾.

Дантону удалось через одного из служащих напечатать несколько сочувственных строк по поводу своего избрания в газете Кондорсе *La Chronique de Paris*. Удивленный и возмущенный Кондорсе через три дня напечатал опровержение, которое сильно задело самолюбие Дантона: «Не имея никаких сношений с Дантоном и не зная его, нас удивило та помпа, с которой встречено было его избрание в одном из наших последних номеров. Мы не принимали никакого участия в напечатании этой заметки. Но так как дело это происходит уже не первый раз и так как оно является формальным нарушением нашего договора, то мы заявляем, что будем считать следующую заметку такого характера настоящим разрывом и примем надлежащие меры»²⁾. Грубый тон Кондорсе и Горса имел такой характер, что заставил Дантона больше ценить лесть и услуги Бриссо.

Связанный с Бриссо чувством благодарности и общими интересами, Дантон не мог, однако, не видеть той огромной нравственной силы, которую представлял Робеспьер. Поэтому он или лавировал, или молчал.

¹⁾ Слова эти приведены у Олара в *Etudes et leçons sur la Révolution française*, 1-re série, p. 176 — 177.

²⁾ Aulard, *Etudes et leçons*, 4-e série, p. 177.

16 декабря 1791 г. в клубе якобинцев он начал речь о внешнем положении горячим панегириком Бриссо «этому колоссу свободы, этому человеку, от которого мы ждем огромных услуг и который не обманет наших надежд», а затем, вместо того, чтобы высказываться либо за Бриссо, либо за Робеспьера, либо за войну, либо за мир, он выбрал средний путь: в принципе он допускал необходимость войны, но фактически он советовал отложить ее: «Я хочу, чтобы была война, она неизбежна. У нас должна быть война. Но прежде всего следует исчерпать все средства, которые могут нас от нее избавить». Это был первый и последний раз, когда Дантон говорил о важном вопросе, игравшем тогда главную роль в политике революции. После этого он больше не выступал, но его друг Фабр д'Эглантин, как известно из его показаний Революционному трибуналу, беспрестанно пытался объединить и примирить Бриссо и Робеспьера¹⁾.

Выступления Дантона в клубе якобинцев в начале 1792 г происходили редко и не имели большого значения. Когда в заседании 4 января 1792 г. Карра серьезно предложил обществу отдать престол герцогу Йоркскому, второму сыну английского короля, Карра, по предложению Дантона, был призван к порядку²⁾.

¹⁾ Buchez et Roux, *Histoire parlementaire de la Révolution*, t. XXX, p. 83.

²⁾ Выступления и цитаты Дантона взяты из издания *Fribourg*.

26 января Дантон высказался против предложения Дюппе, требовавшего образования гвардии для защиты Национального собрания. Отклонение этого предложения могло, однако, принести пользу только Двору, который был вооружен, между тем как представители народа не были вооружены.

В феврале Дантон присоединяется к тем, которые требуют, чтобы пассивные граждане были вооружены пиками.

4 марта, когда якобинцы совещались об организации ими праздника в честь освобождения швейцарцев Шатовье, жертв Буйлье, находившихся в каторжной тюрьме в Бресте, Дантон в сильных выражениях требует, чтобы организационный комитет отказался от 110 ливров, внесенных королевской семьей для праздника: «Как смеет королевская семья делать такое пожертвование? Как можете вы допускать подобную дерзость?» Но эти резкости были очень дурно приняты якобинцами, которые с ропотом в беспорядке встают и, по предложению Робеспьера, решают все же принять деньги Двора.

Можно спросить, повиновался ли Дантон только своему патриотическому чувству, побуждая якобинцев в данном случае провоцировать Двор, ответив оскорбительным отказом на его великодушный жест? Не нуждался ли Двор накануне войны в том, чтобы яркими примерами доказать европейским монархам, что он абсолютно не может столкнуться с якобинцами? Не был ли он заинтересован в том, чтобы

без всякой причины подвергнуться такому оскорблению? Не являлось ли это средством победить последние колебания иностранных монархов?

Все эти предположения имеют под собой почву, когда видишь, что человек, который наносил такое сильное оскорбление Двору, через две недели после этого чуть не был выбран им министром, когда Двор, чтобы усыпить все подозрения, решил привлечь к власти друзей Бриссо. И в самом деле, в *Correspondance secrète* за 19 марта мы читаем: «Для министерства юстиции намечают Манюеля, Дантона, Паниса, Шово-Лагорда».

Олар, которому известна эта информация *Correspondance secrète*, считает ее необоснованной, настолько она кажется ему невероятной. Он не обратил внимания на то, что сам Дантон постарался подтвердить ее верность в Революционном трибунале: «Дюмурье пытается привлечь меня в свою партию; он старается льстить моему самолюбию, предлагая мне министерство!»¹⁾ Присяжный Топино-Лебрэн, который именно тогда основал нечто вроде журнала судебных заседаний Революционного трибунала, отметил то же самое признание Дантона: «Я только один раз видел Дюмурье, который предлагал мне войти в министерство, но я ответил, что я пойду туда только при громе пушек. Он писал мне потом....»²⁾

¹⁾ «Bulletin du Tribunal révolutionnaire».

²⁾ Notes de Topino-Lebrun в приложении к «Danton homme d'Etat» par le dr. Robinet, p. 452.

«Дантона усиленно привлекают на пост министра внутренних дел» — пишет Барбару в своем письме от 20 марта ¹⁾, а Камилл Демулен пишет 3 апреля своему отцу, что он старался, чтобы на этот пост был назначен Дантон. Таким образом, факт этот подтвержден. Дантон чуть не стал министром при монархии. Он чуть не вошел в жирондистское министерство, которое Бриссо составлял вместе с Дюмурье.

Если Бриссо и Дюмурье хотели провести Дантона в правительство, то они, вероятно, понимали, что этот демагог сумеет приспособиться.

По какой причине Дантон не стал министром в марте 1792 г.? Он хвастался, что отказался от портфеля, но он это говорил перед Революционным трибуналом. Я скорее склонен приписать возобновление враждебности, которое замечается в его словах и в его действиях, досаде на то, что не осуществились его честолюбивые стремления. Он точно питает злобу к Бриссо за свои неудачи, удаляется от него и приближается к Робеспьеру.

В четверг 10 мая, в клубе якобинцев он открыто и прямо выступает в этот раз на защиту Робеспьера против его противников, которые хотели лишить его слова: «Робеспьер проявил здесь только деспотизм разума: и не любовь к отечеству, а низкая зависть и все самые губительные страсти с такой силой восстанавливают против него его противников...»

¹⁾ Correspondance publiée par A. Perroud et Chabaud.

И возвращаясь к самому себе, как бы оправдываясь в том, что он раньше не стал на его сторону, он прибавляет: «Я не агитатор, и я уже давно храню довольно тяжелое молчание».

Олар отмечает, что именно в тот момент, когда произошла эта эволюция Дантона в сторону Робеспьера, еще с большей настойчивостью, чем до сих пор, опять начинают обвинять Дантона в продажности и в безнравственности. Дантон сам был некоторое время «удручен» этим, — говорит Олар.

Как бы то ни было, Дантон теперь заодно с монтаньярами. Он беспощадно нападает на фейянов; 18 апреля 1792 г. он требует в Коммуне снятия бюстов Лафайета и Байли, украшавших городскую думу. На следующий день после увольнения министров-патриотов, он 13 июня берет на себя обязательство распространить террор на развратный Двор. «Исполнительная власть проявила смелость только потому, что не встречала сопротивления». Через день, 14 июня, он предлагает заинтересовать в революции бедных переложением на богатых «большой части налогов, которыми обложен класс менее состоятельных граждан». Он хочет, чтобы Законодательное собрание издало закон, обязывающий короля «развестись со своей женой и отослать ее в Вену со всеми подобающими ей почестями, предосторожностями и безопасностью». Может быть, Мария Антуанетта и не имела бы ничего против такого предписания. Наконец в этом же самом заседании Дантон

не побоялся призывать к убийству аристократов, требуя, чтобы вошел в силу закон Валерия Публикола, который «разрешал в Риме каждому гражданину убивать без всяких судебных формальностей всякого человека, уличенного в том, что он высказывал мнения, противные законам государства, причем он обязан был только доказать после этого преступление убитого им таким образом человека...» Подобными зажигательными предложениями Дантон поддерживал свою популярность среди невежественных элементов. И только предложения, которые были на-руку Людовику XVI, мало-по-малу вернули Дантону симпатии буржуа, друзей порядка и собственности.

Как все другие монтаньяры, Дантон не принимал участия в неудачном восстании 20 июня, которое имело целью заставить короля отозвать жирондистских министров.

Большая часть историков утверждала, что он играл главную роль в восстании 10 августа, низвергнувшем королевскую власть в наказание за ее сношения с неприятелем, вторгавшимся во Францию. Эти историки слишком наивно доверяли самому Дантону, не преминувшему в Революционном трибунале приписать себе всю честь переворота совершенного другими. Если восстание было заранее подготовлено одним человеком, который в самом деле им руководил, то это был не Дантон, а Робеспьер.

Робеспьер редактировал все петиции всех съехавшихся на праздник, петицию 17 июля, поданную

в Законодательное собрание, в которой говорится: «Народу изменили... Причиной всех опасностей является вероломство Двора и его агентов... Если нация не может быть спасена своими представителями, она должна сама себя спасти... Народы создают королей, чтобы они хорошо им служили, а не для того, чтобы их угнетали и предавали козням заговорщиков...» и петицию 20 июля департаментам, написанную в еще более сильных выражениях. Робеспьер выступил 29 июля в клубе якобинцев против жирондиста Ласкурса, который хотел удалить съехавшихся на праздник федерации в Суассон, чтобы восстание потерпело неудачу. Робеспьер в самый день восстания с замечательной точностью и ясностью формулировал программу восстания. «Отрешение от должности, низвержение Людовика XVI,—заявил он,—недостаточная мера, чтобы осушить источник наших зол». Нужно в одно и то же время преобразовать и исполнительную и законодательную власть, нужно распустить бессильное Собрание, созвать Конвент, избранный всеми французами без исключения, без разделения на активных и пассивных граждан. Робеспьер на следующий день после восстания диктует от имени вдохновляемой им революционной Коммуны приказы новой власти, приказы санкюлотов дискредитированному Собранию, которое ограничивается регистрацией этих приказов.

Говорят, что если Робеспьер был головой, мозгом восстания, то Дантон был его руками,—это не верно.

Нет, не Дантон двинул на Тюильри народные батальоны предместья, с'ехавшиеся на праздник федерации. Мы знаем, кто были эти агитаторы, которые подстрекали толпу. Это тройка кордельеров, состоявшая из Мерлен де Тионвиля, Базира и в особенности Шабо, которая беспрестанно ораторствовала в секциях и братских обществах, прежде всего в сент-антуанском предместье. Это председатель инсurreкционного комитета Вожуа, заместитель епископа Блуа Грегуар, а также сам Шабо, у которого он, впрочем, и жил¹⁾. Людьми действия были Фурнье-американец, этот авантюрист креол, который фигурировал во всех битвах и который составил очень интересные и правдивые мемуары, в которых он не называет Дантона в связи с 10 августа. Это журналист Шометт, которого уже с 5 августа называют опасным агитатором, который отправляется за марсельцами, приводит их в казарму кордельеров, спешит с раздачей пик, остается четыре дня в секции Французского театра, не покидая ее, здесь же питаясь, — Шометт объединяет инсургентов и проникает одним из первых в городскую думу, чтобы организовать революционную Коммуну в ночь с 9 на 10 августа. Шометт, как и Фурнье, оставил рассказ об этом дне, и он также не говорит о Дантоне. И Олар уже заметил, что имя Дантона не появляется также и в газетных сообщениях того времени.

¹⁾ См. нашу заметку «Vaugeois organisateur du 10 août» dans les Annales révolutionnaires, t. III, p. 584 — 589.

Дело в том, что Дантон ввел в заблуждение историков, подобно тому как он пытался обмануть своих судей, преувеличивая свою роль в событии 10 августа так же, как он преувеличил и неверно изобразил свою роль в событиях 5 и 6 октября, в бегстве в Варенн, в республиканском движении, вызвавшем резню на Марсовом поле, во всех крупных событиях. В нем чувствуется хвастун; бахвальство составляет часть его политики.

В своей защите в Революционном трибунале ¹⁾ он утверждал, что он не ложился в ночь с 9-го на 10-е, что он был в клубе кордельеров, хотя был заместителем в Коммуне, что он сказал будущему министру Клавьеру, пришедшему от Коммуны ²⁾, что «мы хотели призвать к восстанию», что он регулировал все действия и момент атак, что он затем, как солдат, бросился на кровать, что он вышел в час ночи и отправился в революционную Коммуну, где вынес смертный приговор роялистскому командиру национальной гвардии Манда, получившему приказ стрелять в народ.

Сохранившиеся тексты дают возможность проверить утверждения Дантона и привести много опровержений. Бюше, который видел протокол заседания

¹⁾ Notes de Topino-Lebrun, «Danton homme d'Etat», 1889.

²⁾ В Bulletin du Tribunal révolutionnaire роль, которую Дантон отводит здесь Клавьеру, выполнена Петионом, чего нельзя допустить, так как Петион был тогда в замке и к тому же не одобрял восстания.

клуба кордельеров в ночь с 9 на 10 августа, не нашел там ни имени Дантона, ни Камилла Демулена. «В клубе председательствовал Леруа отец». Это не мешает, однако, Олару говорить, что Дантон наверняка присутствовал на части заседания: одно только присутствие товарища прокурора Коммуны в этом очаге восстания уже говорило за себя ¹⁾. Газета Люсиль Демулен дает нам сведения о том, что происходило у Дантона, где Люсиль обедала вместе с Камиллом. «Дантон только что лег, не видно было, чтобы он очень спешил; он почти не спал. Приблизилась полночь. За ним несколько раз приходили. Наконец, он отправился в Коммуну. Ударил в набат у кордельеров, это продолжалось довольно долго» ²⁾. Вот настоящая истина, написанная одним из свидетелей наиболее симпатизировавших Дантону.

Дантон хвастался, что он составил смертный приговор Манда. Его друг, известный Вилен д'Обиньи, один только подтверждает его утверждение, но человек этот сам внушает подозрение, а рассказ его внушает еще большее подозрение. Согласно термидорьянскому памфлету Вилен д'Обиньи ³⁾, он утверждает, что

¹⁾ Etudes et leçons, 4-e série, p. 207.

²⁾ Цитировано Робине, «Danton homme d'Etat», p. 95.

³⁾ Principaux événements pour et contre la Révolution, dont les détails ont été ignorés jusqu'à présent et prédiction de Danton au tribunal révolutionnaire accomplie, an III.

знает это дело от Дюффресса ¹⁾. Дантон отправился в главный штаб, где находился Манда: Именем народа он призвал его немедленно последовать за ним в Главный совет Коммуны, чтобы отдать там отчет о своем поведении. Будучи уверен в успехе своих ужасных замыслов и не зная еще, что его измена открыта, этот изменник имел дерзость ответить ему, что он не признает этой самозванной Коммуны, состоящей из мятежников и заговорщиков, что он не желает получать от нее приказаний и что отчет о своем поведении он обязан отдавать только Коммуне, составленной из честных людей. Дантон подскочил к нему, в его главном штабе, схватил его за горло и воскликнул: «Изменник, она заставит тебя повиноваться ей, эта Коммуна, которая спасет народ, которому ты изменяешь и против которого ты конспирируешь с тираном». Затем Манда был допрошен, осужден и убит выстрелом из пистолета, сделанным в него Россиньолом на крыльце городской думы.

Такова легенда, сочиненная в III году несчастным Виленом д'Обиньи, который, впрочем, не принимает ее на свой счет, приписывая ее Дюффрессу.

¹⁾ Дюффресс (Б. Д.), бывший до революции актером, служил в революционной армии, затем служил в строю, осужден после 9 термидора, опять восстановлен в должности 13 вандемьера, стал бригадным генералом и командиром почетного легиона. О той же личности см. Revue des questions historiques, t. 56 u L. Pingaud, Bernadotte, Napoléon et les Bourbons, p. 214 — 215.

Мы знаем официальный протокол заседания революционной Коммуны, куда Манда был призван и допрошен. «Дантон не вмешивался даже в судебное разбирательство»¹⁾.

Леонард Бурдон, бывший очевидцем, потому что он допрашивал Манда, рассказал на процессе жирондистов о приговоре, который вынесла ему Коммуна. Он не называет Дантона²⁾.

Олар не думает, что Дантон принимал непосредственное участие в убийстве Манда. Дело это омрачило бы светлый образ его героя. «Если он впоследствии имел печальное мужество хвастаться убийством, в котором он на самом деле не принимал участия, то это по той причине, о которой он говорил в Революционном трибунале, это потому, что он защищал свою голову»³⁾.

Мы видим, как ничтожна была настоящая роль Дантона в великом восстании, которое на обломках трона основало республику. Все, что можно сказать,—это, что Дантон на момент, на один только короткий момент, явился в свою секцию Коммуны.

Его защитники стараются доказать, что он подготовлял, организовал восстание в предшествовавшие ему дни. Но вся деятельность Дантона в течение месяца, предшествовавшего восстанию, сводилась к краткому заступничеству за с'ехавшихся на

праздник федерации 13 июля и к подписи под постановлением секции Французского театра, рядом с подписями Шометта и Моморо, призывавшим пассивных граждан секции принимать участие в совещаниях вместе с активными гражданами. Это постановление, впрочем, являлось только осуществлением идей, высказанных накануне, 29 июля, Робеспьером в его большой речи, произнесенной в клубе якобинцев¹⁾.

От 30 июля до 9 августа Дантон отсутствует. 6-го он в Арси и делает дарственную запись у нотариуса в пользу своей матери и своего отчима. Он возвращается в Париж только накануне восстания. Робеспьер и Сен-Жюст впоследствии упрекали его в этом и утверждали, что он вернулся в Париж только вследствие неоднократных требований патриотов. «Когда ты увидел, что надвигается гроза 10 августа, — воскликнул Сен-Жюст, — ты удалился в Арси сюр Об, бежал от опасностей, окружавших свободу; патриоты уже не надеялись опять тебя увидеть; однако, под влиянием стыда, упреков, когда ты узнал, что падение тирании хорошо подготовлено и неизбежно, ты вернулся в Париж 9 августа; ты хотел лечь спать в эту зловещую ночь, несколько горячих друзей свободы потащили тебя в секцию, где собрались марсельцы, и ты там

1) Олар, который придает очень большое значение тому, что он называет дантоновским постановлением 30 июля, ничего не говорит о гораздо более важной речи, произнесенной накануне Робеспьером.

1) Aulard, 4-e série, p. 208.

2) Buchez et Roux, t. XXX, p. 91.

3) Aulard, 4-e série, p. 208.

говорил, но все было уже сделано, восстание уже началось»¹⁾).

Из обвинений Сен-Жюста и хвастовства Дантона проглядывает истина. Правда заключается в том, что Дантон, как хитрый уроженец Шампани, держался довольно близко к движению, чтобы воспользоваться им, если оно будет удачно; но тем не менее достаточно далеко, чтобы отказаться от всякой ответственности, если оно потерпит неудачу. Истина заключается в том, что поведение его по обыкновению было двусмысленно.

Вел ли он в то именно время переговоры с Двором, чтобы обеспечить себя? Лафайет утверждает это. Он рассказывает, и в этом он сходится с Малуэ, что Двор накануне восстания был очень спокоен. Двор считал, что революционеры «более испорчены, чем фанатичны» (Малуэ), и он надеялся парализовать их деятельность, вызвав среди них раскол и подкупив их. Документы из несгораемого шкафа, особенно письма, которые Шамбон, эфемерный министр внутренних дел, адресовал королю в июне и в июле 1792 г., доказывают, что такая тактика действительно применялась. Лафайет говорит, что «доверчивость королевы объяснялась тем, что она думала, что может рассчитывать на Дантона, которому она за несколько дней до этих ужасных событий передала 50 тысяч экю». Утверждали, что свидетельство Лафайета этих

лет не достоверно, так как, не будучи в то время в Париже, он говорил понаслышке. Но Лафайет, командовавший арденской армией, вернулся в Париж за несколько дней до 10 августа, чтобы протестовать против безнаказанности виновников 20 июня, и Лафайет находился в лучших условиях, чем кто бы ни было другой, чтобы быть знакомым с действиями Двора, доверенным лицом и защитником которого он в это время был.

Здесь опять Лафайет сходится с Сен-Жюстом и с Робеспьером. Фабр д'Эглантин, друг Дантона, по словам Робеспьера, вел переговоры с Двором накануне 10 августа. И Сен-Жюст подтверждает это, говоря: «Что в это время делал Фабр, твой сообщник и твой друг? Ты сам это сказал: он вел переговоры с Двором, чтобы обмануть его. Но мог ли Двор довериться Фабру без известной гарантии в его преданности и без очевидных актов ненависти его к народной партии? Тот, кто является другом человека, который вел переговоры с Двором, низкий человек». Вместо того, чтобы ответить категорическим отрицанием, Дантон в Революционном трибунале ответил иронически: «Фабр вел переговоры с Двором, был другом Дантона; и без сомнения, в виде доказательства, укажут на мужество, с которым Фабр подвергался обстрелу французов залпами»¹⁾. Я не знаю, участвовал ли действительно Фабр в атаке

¹⁾ Доклад Сен-Жюста

¹⁾ Bulletin du Tribunal révolutionnaire.

Тюильри, но допустим, что участвовал,—разве это доказывает, что он не вел переговоров с Двором за несколько недель до этого, подобно тому как главари Жиронды вели переговоры с своей стороны и делали предложения королю через их друга, художника Боза?

Когда знаешь этого беспутного бездельника, безнравственного, обремененного долгами, этого бессовестного, беспринципного политика, каким был Фабр д'Эглантин, то совершенно не кажется невероятным, что он вел переговоры с Двором.

Роялист Болье говорит, что «Фабр имел вид человека, интересующегося судьбой королевской семьи». Он написал об этом королю в первых числах августа и просил его разрешить ему совещание с Дюбушажем, бывшим в то время морским министром. Через несколько дней после этого король спросил Дюбушажа: знает ли он Фабра д'Эглантина?—«Я знаю его только как литератора и как одного из корифеев якобинцев. Я не имею никаких сношений с ним и никогда не видал его».—«Я получил от него несколько писем,—заметил король,—в которых он просит совещания с вами по поводу вопросов, относящихся к безопасности моей особы и моей семьи».—«Если ваше величество прикажете, я повидаюсь с ним». И в самом деле Дюбушаж назначил свидание Фабру д'Эглантину; последний явился в условленный час. После уверений в сочувствии к королю и преданности ему, в уважении к истинным роялистам он с

величайшими подробностями стал передавать о заговорах, составленных против Тюильрийского дворца, и об опасностях, которым подвергается королевская семья. В результате он предложил «верный» план, который должен был вернуть Людовику XVI его прежнюю власть. План этот состоял в том, чтобы привлечь канониров и начальников мятежников, в которых он был уверен, затем открыто напасть на якобинцев и на Собрание и освободить Францию от самых больших ее врагов. Для исполнения этого проекта он просил сумму в 3 миллиона. Дюбушаж сообщил об этом совещании королю, который испугался предлагаемых ему мер насилия¹⁾.

Не надо слишком поспешно обвинять Болье в преувеличении. Вестерман показывал в одной из комиссий Конвента в апреле 1793 г., что ему предлагали от короля 3 миллиона перед 10 августа, чтобы он стал на сторону Двора²⁾.

Счета гражданского листа доказывают, что названный Дюран, обычно служивший посредником между Дантоном и Двором³⁾, получил 2 августа 1792 г. 10 тысяч ливров и что министр юстиции Жоли через два дня после этого получил еще 20 тысяч ливров⁴⁾.

1) Beaulieu, Essais historiques sur les causes et les effets de la Révolution, Paris, 1803, t. IV, p. 15—16.

2) См. главу, озаглавленную Westerman et la Cour.

3) См. в Robespierre terroriste главу Danton et Durand.

4) См. нашу заметку о расходах гражданского листа в Annales historiques de la Révolution за сентябрь — октябрь 1925.

Сношения, которые Фабр поддерживал с роялистскими агентами, были настолько известны, что его в этом упрекали в клубе якобинцев, и он должен был защищаться от этих упреков 24 фримера II года.

Итак, роль Дантона 10 августа не выяснена. Неверно, будто он играл в восстании ту роль, которую он приписал себе позднее. Возможно, что он не без задней мысли вошел в движение.

Отсутствие в текстах того времени сведений о поступках Дантона в этот достопамятный день его защитники заменяют рассуждениями. Олар говорит: «Те, которые сомневаются в важности роли Дантона в этот знаменитый день, забывают, что Законодательное собрание указало общественному мнению и истории на Дантона как на героя народной победы тем самым фактом, что сейчас же после взятия Тюильри оно призвало его на пост министра юстиции»¹⁾. Олар говорит так, как будто голосование Собрания, призывающее Дантона в министерство после падения королевской власти, являлось чем-то вроде национальной награды, присужденной главному виновнику восстания. Это голосование Собрания окончательно делает для меня Дантона подозрительным.

Если бы Дантон был призван в министерство республиканским собранием, я понял бы рассуждение Олара. Но Законодательное собрание состояло почти исключительно из роялистов. Конечно, только левая

¹⁾ Aulard, 4-e série, p. 209.

часть этого собрания избрала Дантона, получившего 222 голоса из 282 голосовавших (депутатов было 750). Но и левая также состояла из жирондистов, а жирондисты, которые устроили манифестацию 20 июня, всеми силами противились восстанию 10 августа. Жирондисты терпели республику, но не хотели ее.

Изложенное мною мнение не является общепринятым мнением современных историков. Но эти историки слишком часто не читают документов. Должен сознаться, что считаю их менее осведомленными в вопросах о людях и делах революции, чем были их предшественники лет пятьдесят тому назад.

Если бы современные историки только систематически справлялись с замечательным собранием документов в 40 томах, изданным Buchez et Roux во время монархии Луи-Филиппа под заглавием *l'Histoire parlementaire de la Révolution française*, они должны были бы притти к следующим определенным выводам:

Они увидели бы, что 25 июля тот же самый Бриссо, который так громко об'являл себя республиканцем после Варенна, теперь с трибуны Законодательного собрания требовал смертной казни для тех, кто хотел ввести республику». Если существуют люди, говорил он, которые стараются в настоящее время ввести республику на развалинах конституции, то меч закона должен покарать их, как активных друзей двух палат и как кобленцских контрреволюционеров. Можно понять, что после таких речей ренегата Бриссо осви-стали на трибунах, а при выходе его назвали злодеем.

Наши историки увидели бы, что 29 июля в клубе якобинцев жирондист Лассурс хотел удалить парижских делегатов с праздника федерации, чтобы лишить восстание его солдат.

Они увидели бы, что 1 августа в клубе якобинцев Дефье и Мерлен де Тионвиль донесли, что Инар и Бриссо во время заседания клуба Об'единения, соединявшего левых парламентариев, требовали обвинения Робеспьера и Антуана.

Они увидели бы, что 4 августа Верньо осуждал в Законодательном собрании знаменитое постановление секции Моконсейль, требовавшее свержения, и заставил его отменить.

Они прочитали бы письмо, которое Верньо, Гюаде и Жансонне переслали королю через художника Боза, требуя отозвания министров жирондистов, — единственное, по их мнению, средство спасти королевскую власть. Они узнали бы, что Гюаде видел короля, королеву и наследника и вернулся с этого свидания совершенно расстроенный.

Они узнали бы из судебных прений во время процесса жирондистов, что 9 августа Петийон, бывший тогда мэром Парижа, призвал монтаньяра Шабо в Комитет общественной безопасности, упрекал его в том, что он возбуждает народ, и угрожал ему арестом; что в самую ночь с 9 на 10 августа Петийон отправил послание в секции с призывом к спокойствию, что он дал Манда (Mandat) письменный приказ стрелять в народ.

Они узнали бы, что 10 августа утром, когда королевская семья пришла в Собрание искать там убежища, когда король, войдя туда, произнес знаменитые слова: «Я пришел сюда, чтобы избегнуть большого преступления», Верньо, который председательствовал, ответил ему: «Ваше величество, Собрание считает самой священной своей обязанностью поддерживать все существующие власти; мы все умрем на своих постах, исполняя эту обязанность». Поддержание всех существующих властей значило, как мне думается, поддержание короля, поддержание королевской власти.

Они узнали бы, что нежный и едкий Гюаде в этом трагическом заседании 10 августа требовал заступничества Собрания для освобождения Манда, что тот же самый Гюаде предложил назначить гувернера сыну короля, которого он называл еще наследным принцем.

Не подлежит, таким образом, сомнению, что жирондисты, которых наши историки рисуют нам как основателей республики, в действительности изо всех сил противились восстанию, уничтожившему королевскую власть, что они присоединились к нему только через двенадцать часов под градом пушечных выстрелов инсургентов, чтобы сохранить свое участие в правительстве.

Но если так, если Дантон был назначен министром юстиции враждебным республике Собранием, то есть ли в самом деле, за что чествовать

Дантона? Скорее можно спросить, почему из всех агитаторов, которые содействовали восстанию, выбор жирондистов остановился именно на Дантоне.

Здесь важно отметить, что тот же самый Бриссо, который уже в апреле составил первое жирондистское министерство, в которое чуть не вошел Дантон, на этот раз опять ведет переговоры об избрании Дантона. Небезынтересно также узнать, что посредником между Дантоном и Бриссо, агентом их примирения был именно тот самый интриган, по имени Фабр д'Эглантин, который накануне вел переговоры с Двором. 10 августа — Бриссо рассказывает нам это на процессе жирондистов — Фабр отправился к Бриссо и сказал ему: «Патриоты хотели сделать Дантона министром, будете ли вы противиться его избранию?». Я ответил: «Наоборот, это должно служить признаком нашего примирения».

Можно понять, почему Бриссо выбрал Дантона. Он хорошо знал его. Он работал вместе с ним над составлением первой петиции Марсова поля, петиции, которая заканчивалась предложением регентства герцога Орлеанского. Он приветствовал его избрание в Коммуну. Он ценил его нейтралитет во время его борьбы с Робеспьером по вопросу о войне. Если он поссорился с ним в марте, то ссора эта не имела причиной принципиальные или идейные расхождения. Она произошла потому, что Бриссо не сумел ввести Дантона в министерство, как он ему это обещал. Эти

оба человека были созданы для того, чтобы столкнуться на почве реальных фактов. По крайней мере они так думали и надеялись на это.

Чего же ожидали жирондисты от своего нового министра юстиции? С какими намерениями доверили они ему портфель, предмет его давнишних желаний?

Нам незачем делать догадки, чтобы ответить на этот вопрос. Они сами позаботились о том, чтобы дать нам указания. Тот же самый Кондорсе, который был коллегой Дантона в первом собрании представителей Парижской коммуны и который долгое время считал его презренным демагогом, тот же самый маркиз Кондорсе, который в декабре 1791 г. отвергал с оскорбленной невинностью похвалы, без его ведома расточаемые Дантону в его газете *La Chronique de Paris*, тот же самый академик объяснил в посмертной статье, по какой причине он отдал свой голос Дантону, чтобы сделать его министром: «Необходимо было иметь в министерстве человека, пользующегося доверием того самого народа, восстание которого опрокинуло трон; надо было иметь в министерстве человека, который своим влиянием мог бы сдерживать презренные креатуры благодетельной, славной и необходимой революции, и нужно было, чтобы этот человек своим даром слова, своим умом, своим характером не унижил ни министерства, ни членов Национального собрания, которым приходилось иметь с ним дело. Только Дантон обладал

этими качествами; я его выбрал и не раскаиваюсь в этом»¹⁾).

Расчет был очень ясен. Жирондисты, чувствовавшие, что непопулярность их растет, выбрали Дантона, чтобы он служил им защитой против восстания. Не только в наши дни считали, что лучшими сторожами охотничьих парков являются самые отчаянные браконьеры. Не только в наши дни считали, что кордельер министр не должен обязательно быть министром кордельером! Если бы жирондисты думали, что Дантон придерживается тех принципов, которые он афиширует, разве они выбрали бы его, чтобы доверить ему эту роль министра, чтобы поручить ему подавить движение, которое вынесло его на вершину власти?

Нам кажется, что из этого краткого очерка можно выделить некоторые общие черты для характеристики физиономии Дантона.

Стремясь прежде всего к власти и высокому положению, он не углублялся в теории и системы. Все силы его ума направлены к ближайшим практическим целям, которые он стремится осуществить. Он не пренебрегает неблагоприятными средствами. Наоборот, он умеет напечатать даже в газетах противников маленькие дружеские сообщения. Он был артистом в искусстве организовать рекламу вокруг своего имени. Он заботится о своих жестах. Не даром он имеет друга среди театральных артистов.

Он слишком ловок, чтобы скомпрометировать себя в жгучих вопросах, как какой-нибудь Робеспьер. Он лавирует между Робеспьером и Бриссо, когда приходится делать выбор в серьезном вопросе войны и мира. Он знает, что Бриссо близок к власти, и он сохраняет сношения с ним. Но он знает также, что Робеспьер владеет сердцами масс, и он щадит эту силу. В слове «приспособление» не содержится уже для него ничего одиозного. Он пробуждается от своего долгого оцепенения только в те недели, которые предшествуют 10 августа, когда он потерпел неудачу в своих стремлениях к министерскому портфелю, когда бахвальство Лафайета, угрозы Брунсвика, ошибки Двора вызвали восстание парижских санкюлотов. Затем он стал держать нос по ветру. Но он оставляет себе еще одну лазейку, если верить Лафайету. Он посылает Фабра для переговоров с Двором, между тем как сам отправляется на несколько дней в Арси взглянуть на свои приобретения, взглянуть глазами крестьянина, счастливого при виде округления своих владений. Он возвращается только накануне восстания, чтобы пожать плоды его.

Не в одних только Афинах так приветствовали демагога Клеона и ставили ему памятник!

¹⁾ Цитировано у Олара, 4-e série, p. 211.

ДАНТОН, ТАЛОН, ПИТТ И СМЕРТЬ ЛЮДОВИКА XVI ¹⁾

В своем очерке о Дантоне и смерти Людовика XVI, появившемся в *Annales révolutionnaires* за январь 1916 г., наш друг Густав Руане передает по заметкам Теодора Ламета разговор, который Талон, бывший распределителем сумм гражданского листа, вел в Лондоне с Шарлем Ламетом во время процесса короля. «Какой ужас! — сказал он, — Питт хочет смерти французского короля. Я только что был у него, и все, что я сказал, не тронуло, не взволновало его. Дантон отвечает за спасение Людовика XVI, если Англия прибавит два миллиона к той сумме, которой может располагать кавалер Окариц (испанский министр); он не требует, чтобы деньги эти были выданы; достаточно, чтобы они были внесены в какой-нибудь английский банк. Я поспешил приехать из Парижа для этого дела, которое я, по простоте душевной,

¹⁾ *Etudes Robespierristes — «La Conspiration de l'étranger» par A. Mathiez.*

считал очень легким: но осуществить его невозможно. Питт хочет повторения во Франции истории Карла I. Это отвратительно, ужасно, но ничего не поделаешь».

У нас нет никаких оснований сомневаться в подлинности заметок Теодора Ламета, написанных целиком его рукой. Но ввиду того, что заметки эти были написаны спустя долгое время после событий, весьма вероятно, что указанное им в воспоминаниях не совсем точно во всех деталях. Достоверные в целом, они могут быть неточны в частностях. Во всяком случае историк обязан стараться их проверить.

Я поставил себе вопрос, не будет ли возможно приступить к их проверке с помощью английских источников. И я открыл очень любопытную, очень поучительную корреспонденцию агента Питта — Вильяма Августа Майльза, которому великий английский министр давал многие конфиденциальные поручения: в Льеж в 1784—1788 гг., во Франкфурт в 1789 г., в Париж с 1790 до 1791 г. Эта корреспонденция, состоящая из интимных писем, не предназначенных для гласности, и из заметок, составленных непосредственно после известных событий, представляет документ, отличающийся абсолютной искренностью, один из тех документов, которые кладут конец всяким спорам¹⁾.

¹⁾ Эти письма были опубликованы в 1890 г. в Лондоне одним из потомков Майльза, священником Чарльзом Пофамом Майльзом. Они составляют два тома.

В первом томе этой переписки (стр. 398—400) я нашел записку, помеченную 18 декабря 1792 г., в которой Майльз рассказывает о хлопотах аббата Ноэля, которого Дантон послал в Лондон после 10 августа для тайных переговоров с английским правительством. Майльз просто служил посредником между Ноэлем и Питтом. Записка носит заглавие: «Проект спасения Людовика XVI» (см. выше История и легенда, стр. 32).

В его переписке упоминание об этом разговоре 18 декабря 1792 г. встречается еще раз. Это происходит спустя 14 месяцев. Ноэль оставил Лондон и стал представителем республики в Венеции. Майльз, который знает, что он сохранил близкие отношения с Дантоном, пишет ему несколько раз и просит сообщить Дантону, что английское правительство, пожалуй, было бы склонно выслушать мирные предложения. Чтобы побудить своего корреспондента взять на себя посредничество с правителями республики, он считает полезным напомнить ему о его пребывании в Лондоне. В своем письме от 21 февраля 1794 г он говорит в заключение:

«Позвольте напомнить вам один инцидент из прошлого. Вы пришли ко мне однажды после десяти часов вечера, во время суда над Людовиком XVI, и сообщили мне, что если бы наш министр испытывал какое-нибудь опасение за судьбу нашего несчастного монарха, то Талон, который жил в то время на Sloane Street в Chelsea, мог бы принести гораздо больше пользы, чем кто бы то ни было другой, что если он может

спасти жизнь короля, то не следует терять ни минуты. Вы, вероятно, вспомните, что я отказался передать ваше сообщение Питту, по той причине, что министр не считал нужным вмешиваться в дела французского правительства, и, кроме того, еще потому, что после того, как начался суд над вашим королем, я не верил, чтобы Талон или кто-либо другой был в состоянии спасти его. Если бы я по мотивам гуманности обратился к Питту и если бы этот министр по тем же мотивам принял предложение, Конвент вывел бы из этого заключение, что наше правительство вмешивается в ваши внутренние дела, и выставил бы это аргументом против нас, чтобы объяснить ничем не оправдываемый разрыв, который последовал бы за этим»¹⁾.

По получении писем Майльза, Ноэль сообщает Дантону о содержащихся в них мирных предложениях: «Один англичанин, по имени Майльз, о котором ты слышал от меня по моем возвращении из Англии и который много работал в пользу продолжения мира, писал мне на этой неделе. После филантропических размышлений и сетований на бедствия человечества, не сознаваясь, что он имеет формальный приказ, он предлагает мне самому отправиться в Лондон, где я могу остановиться у него. Он надеется, — говорит он, — что все может устроиться и т. д.»²⁾

¹⁾ Ibid, II т., стр. 163—164.

²⁾ Письма Ноэля к Дантону, напечатанные Оларом в La Révolution française, t. XXIV, p. 463.

Спустя некоторое время, 14 марта, Ноэль сообщил Майльзу, что его письма к Дантону остались без ответа. Он не сделал никакого намека на разговор 18 декабря 1792 г.

Мне кажется, что мы можем считать достоверным, что разговор этот происходил, и принять рассказ доверенного лица Питта в том виде, в каком он был им тут же записан.

Один факт не подлежит никакому сомнению: Ноэль в этом деле был только орудием Дантона. Сохранившиеся письма его к Дантону написаны в чрезвычайно дружеских выражениях. Когда он уехал в Венецию, он взял с собою Рекордена, сводного брата Дантона, которого он сделал своим секретарем; он руководил его дипломатическим образованием.

Это Дантон послал Ноэля с миссией в Лондон после 10 августа. Сен-Жюст не преминул напомнить об этом факте в своей знаменитой обвинительной речи. «Когда ты был министром,—говорит он,—надо было послать посланника в Лондон, чтобы закрепить союз двух народов. Ноэль, контрреволюционный журналист, был предложен Лебреном. Ты не возражал. Тебя упрекали за это в слабости. Ты ответил: «Я знаю, что Ноэль ничего не стоит, но я даю ему в спутники одного из моих родственников». Каким был результат этого преступного посольства? Война и твоя связь с Дюмурье и с Бриссо!»

Родственник, который сопровождал Ноэля в Лондон после 10 августа, был тот самый Рекорден, которого

Ноэль увез затем в Венецию. В деле Дантона есть письмо Рекордена к Дантону из Лондона от 28 октября 1792 г., т. е. за несколько недель до разговора Ноэля с Майльзом. Из этого письма, писанного по-английски, видно, что Мерже, двоюродный брат Дантона, также был в Лондоне, но что он вернулся в Париж. «Мне многое нужно вам сказать,—пишет Рекорден,—но Мерже скажет вам это. Я поручил ему поцеловать мою невестку; если он забудет, сделайте это за меня»¹⁾.

Близость Дантона с Ноэлем признается самим Ноэлем в письмах, которые он писал Майльзу. В одном из них, помеченном 26 декабря 1793 г., он протестует против дурной репутации, которая преследует его друга. Он подтверждает, что Дантон хороший сын, хороший муж, хороший отец, хороший друг и т. д. Когда Дантона повели на казнь, Ноэль боялся за себя. Он просил Майльза достать ему паспорт для поездки в Англию через Германию... Но бесполезно продолжать приводить дальнейшие доказательства.

Когда Ноэль вечером 18 декабря 1792 г. явился к Майльзу просить его свести Талона с Питтом, он не сказал, что действует от себя лично. Он не сказал также, что делает этот шаг по поручению Исполнительного совета. «Он мне сказал,—говорит Майльз,—что усматривает в Исполнительном совете

1) Archives nationales, AF, 49.

намерение избежать пролития крови Людовика XVI». Желание сохранения тайны, о котором он несколько раз говорит Майльзу, служит доказательством того, что он не считал себя уполномоченным сделать это разоблачение согласно своим инструкциям. Более чем вероятно, что Исполнительный совет, в котором Дантон уже не заседал, ничего об этом не знал.

Если Ноэль действовал не по собственному побуждению и не по поручению Исполнительного совета, то надо допустить, что он был только посредником Дантона.

Еще более важным фактом является инцидент, происшедший в клубе якобинцев 23 декабря 1792 г. Через пять дней после разговора Ноэля с Майльзом, депутат Робер, близость которого с Дантоном была известна, взшел на трибуну клуба, чтобы призвать граждан к порядку. «Он сказал, что не надо, чтобы патриоты противились отсрочке, о которой может просить Людовик Капет. Он прибавил, что было бы актом справедливости и здоровой политики, чтобы об отсрочке суда над Людовиком Капетом просил якобинец». Альбит и Сент-Андре энергично протестовали против предложения Робера, встреченного отрицательно, но очевидно, что это странное предложение было связано с попытками переговоров, которые Ноэль и Талон старались завязать в Лондоне от имени Дантона.

Это Дантон спас Талона, скомпрометированного бумагами, найденными в несгораемом шкафу. Дантон доставил ему паспорт, с помощью которого он мог

пробраться в Англию. Между Дантоном и Талоном существовала давнишняя связь. Между ними была не только солидарность,—они были соучастники.

Бесполезно предполагать, что Талон вернулся в ноябре, чтобы столкнуться с Дантоном. Мерже, оставивший Лондон в конце октября, мог служить курьером ¹⁾.

Был ли назван Дантон во время разговора Ноэля с Майльзом? Майльз не упоминает его имени в своем донесении. Но замечательно, что через год, когда Майльз просит Ноэля передать Дантону о мирных намерениях английского правительства, он напоминает ему разговор 18 декабря 1792 г. Еще более знаменательно, что Майльз, который неоднократно высказывает похвалу глубокой честности Робеспьера, говорит о Дантоне только как об испорченном

¹⁾ Руане, который пожелал прочесть корректурные листы этой статьи, заметил, что Дантон оставил Париж, чтобы отправиться в бельгийскую армию вечером 1 декабря и что спустя три дня Гюаде сообщал о присутствии Талона в армии Дюмурье. По его предложению, Конвент приказал арестовать Талона и поручил министру юстиции Гара немедленно послать в Бельгию чрезвычайного курьера для производства этого ареста. Если Талон действительно находился в Бельгии в это время, он мог встретиться там с Дантоном и вернуться в Лондон к 18 декабря. Письмо Майльза к Питту от 12 декабря говорит, что Ноэль в то же утро вернулся из Льежа и что он ему говорил, что Дюмурье не одобряет открытия Шельды. Дантон был в Льеже, когда Ноэль уехал оттуда, чтобы вернуться в Лондон.

человеке. Не обращая внимания на похвалы и уверения Ноэля, он пишет последнему 11 апреля 1794 г., на следующий день после казни дантонистов: «Дантон в феврале 1793 г. стремился к регентству, я знал в то время от самих заинтересованных лиц, что он облегчил выезд из Франции несколькими роялистам. Его не считали неподкупным человеком» ¹⁾.

Мы знаем тех роялистов, которые могли покинуть Францию благодаря покровительству Дантона, и которые сообщили об этом Майльзу. Они подробно названы в мемуарах Теодора Ламета, точность которых в этом [вопросе таким образом подтверждается.

Что касается шагов, предпринятых Талоном перед английским правительством, чтобы спасти Людовика XVI, то между рассказом Майльза и рассказом Теодора Ламета есть существенная разница. Согласно Теодору Ламету, Талон видел Питта. Но здесь Теодор передает только слова своего брата Шарля, которого он, может быть, плохо понял и которые, может быть, были неправильно переданы по прошествии долгого времени. Более чем вероятно, что Талон не видел Питта, так как Майльз отказал Ноэлю в посредничестве. Отказ Майльза, агента и друга Питта был истолкован Талоном и его друзьями, как отказ самого Питта, и можно объяснить себе их ярость: «Питт хочет повторения во Франции истории Карла I».

¹⁾ Correspondance, t. II, p. 168.

Кроме того, что отказ Майльза спутан с отказом самого Питта, в обеих версиях, Майльза и Теодора Ламета, нет ничего такого, что не совпадало бы. Наоборот—они раз'ясняют и дополняют одна другую ¹⁾.

Когда знаешь только английский рассказ, то не ясно, почему Ноэль обращается к Майльзу. Майльз сам говорит нам, что у него было впечатление, что ему ставят ловушку. Он в то время старался устранить серьезные затруднения, которые возникли между Францией и Англией вследствие открытия Шельды для свободной навигации. Ноэль от имени своего правительства требовал признания республики. Вмешательство Питта в пользу французского короля было бы нарушением строгого нейтралитета, сохранением которого хвасталась Англия. Сколько ни утверждал Ноэль, что все останется тайной, ему не удалось убедить Майльза. Майльз был предупрежден. Он знал, что Англию давно уже обвиняли в желании

¹⁾ Надо, однако, заметить, что, приписывая Талоно слова: «Я поспешил приехать из Парижа», Теодор Ламет опять путает. Талон был в Лондоне с конца августа. Если верно, что он ездил в Бельгию в ноябре для совещания с Дюмурье, то он мог приехать только из Брюсселя. Но относительно его присутствия в Бельгии у нас нет никаких точных данных. Однако я видел в архиве бумаги, из которых явствует, что наш посланник в Лондоне — Шовелен — выдал паспорт Пьеру Талоно 18 сентября 1792 г. для поездки на континент (лист, присоединенный к депеше Шовелена 28 ноября 1792 г. Иностранные дела).

вмешиваться в ход внутренней борьбы в стране, и он, как и сам Питт, был оскорблен этим обвинением. Он не хотел дать им новой пищи, выслушивая иностранные предложения, сделанные случайным агентом Исполнительного совета. Его недоверие, без сомнения, помешало Ноэлю объяснить подробно из боязни скомпрометировать самого себя. Он ограничился восхвалением Талона, его ловкости, его способностей. Он надеялся, что Майльз примет Талона, и рассчитывал, что Талон скажет то, что он сам не осмелился сказать. Но Майльз делал вид, что не понимает. Интрига потерпела неудачу с первых ее шагов.

Я не был бы удивлен, если бы при одном только упоминании имени Талона у Майльза создалось бы дурное впечатление, потому что он знал его и имел о нем очень дурное мнение. Во время своего пребывания в Париже, в 1790 и 1791 гг., когда он посещал клуб якобинцев и «клуб 89 года», членом которого он состоял, когда он обедал у Лафайета и у мадам Тарант, он узнал многое. В письме, которое он писал в Париж 12 марта 1791 г. адмиралу Родней, он следующим образом отзывался о Талоне: «Многие депутаты Бретани получают жалованье от короля. Талон — доверенное лицо этого несчастного монарха. Он раздавал много денег различным членам Национального собрания, но не подлежит сомнению, что значительную часть он оставлял себе,—по крайней мере, так говорят, и один из этих депутатов называет

себя самого, чтобы доказать нечестность Талона, заявляя, что он никогда не получил ни одного су и что Талон удержал для себя то, что он должен был бы дать друзьям короля»¹⁾. Для Майльза Талон был, таким образом, авантюристом. Можно понять, что помимо имевшихся у него принципиальных соображений для отказа от действий, являвшихся вмешательством в наши внутренние дела, Майльзу противно было войти в сношение с субъектом, которого он считал интриганом низшего сорта²⁾.

Если Майльз не счел даже нужным сообщить об этом Питтту, прежде чем ответить решительным отказом на просьбу Ноэля, то это объясняется тем, что ему уже в течение месяца были известны взгляды Питта. И в самом деле я нахожу в дневнике Майльза, что 18 декабря у него был длинный разговор с Лонгом, главным сотрудником первого министра. Лонг сказал Майльзу, что «сохранение жизни Людовика XVI не должно находиться в конфликте с интересами Англии»³⁾. Майльз был, таким образом,

1) Correspondance, t. I, p. 255.

2) Мы напечатали в *Annales révolutionnaires* за январь 1914 г., pp. 98—100, главные места из допроса, подготовленного самим Бонапартом, на котором Талон 5 вандемьера XII года признал, что ему поручено было управлять тайной полицией Людовика XVI и что он взял к себе на службу Дантона. См. также переписку Мирабо с Ла Марком, изданную Бакуром, t. III, p. 23 и p. 45.

3) Correspondance, t. I, p. 353.

предупрежден. Он знал, что Питт решил сохранить полный нейтралитет в процессе Людовика XVI.

Теперь нам становится понятным, почему интрига Дантона—Талона потерпела неудачу. Авантюристы, которые предполагали вырвать два миллиона у британского правительства, воображали, что все короли Европы активно заинтересованы в спасении Людовика XVI. Но Питт был государственным человеком. Он устранял из своей политики всякую сентиментальность. Для него существовали только интересы Англии. Питт боялся вмешательством в наши дела дать нам очевидные поводы для нарушения мира, к сохранению которого он еще пока стремился.

Талон, план которого потерпел неудачу, воскликнул, что Питт желает «повторения судьбы Карла I». Нет! Питт хотел только покоя для своей страны.

БРАТЬЯ СИМОН, БАНКИРЫ И НЕГОЦИАНТЫ ¹⁾

Нет ничего труднее, чем писать историю банкиров и деловых людей. Тайна их операций является условием их успеха. Они поэтому окружают себя непроницаемой тайной. Их действия скорее можно подозревать, чем знать. Документов обыкновенно мало, их трудно собрать, трудно объяснить. Между тем такое исследование необходимо, чтобы составить себе ясное понятие о действительных событиях.

Это заставляет нас напечатать несколько заметок о братьях Симон, имя которых было связано с политико-финансовыми скандалами эпохи террора ²⁾.

Братья Анри и Мишель Симон родились в Брюсселе. Отец их Жан Симон был седельным мастером, имевшим капитал в 800 тыс. ливров. Братья

¹⁾ *Autour de Danton*, гл. IX.

²⁾ Считаю нужным напомнить, что мы сперва изучали поставщика Эспаньяка, банкиров Бойд и Кер (*Robespierre terroriste* u *Annales révolutionnaires*, t. XIV, p. 502), банкира Пепперо (*Annales révolutionnaires*, t. XI, p. 242 и t. XII, p. 237); участие банкиров во взятии Бастилии (*Floréal du 10 juillet*, 1920); наконец *Affaire de la comp. des Indes*, vol. gr. in 8°.

переселились во Францию, один накануне революции, другой—в самом начале ее¹⁾.

Мишель Симон женился в Дюнкирхене на Софии Тиерри, за которой получил в приданое 50 тыс. ливров. Положение его в Дюнкирхене было так прочно, что торговая палата в начале существования Учредительного собрания делегировала его представлять интересы города в комитете чрезвычайных депутатов французской торговли²⁾. В 1791 г. он покидает Дюнкирхен и переселяется в Париж, и со времени объявления войны он вместе со своим братом пускается в крупные операции по поставкам.

Анри Симон уезжает в Брюссель, как только Дюмурье входит туда. 8 ноября 1792 г., на следующий день после Жемаппы, он заключает с военным комиссаром Малюсом договор на поставку 60 тыс. квинталов овса, 120 тыс. квинталов сена, 40 тыс. квинталов соломы. Вскоре после этого он заключает другой договор с тем же самым Малюсом на поставку одеял, водки и «других предметов снабжения».

1) Sources, Archives nationales F⁷ 4775¹⁹ W 78, F⁷ 4732; Archives parlementaires, t. LIV, p. 590, t. LV, p. 353, t. LVII, p. 606 (о положении бельгийской армии); Tueteu, Répertoire, t. X et sq; Rapport des commissaires Camus, Delacroix, Gosuinet, Danton sur la situation de l'armée de Belgique; Tueteu, Répertoire, t. X, n°s 1409, 1432, 1627, 2423; t. XI, n°. 1796; Pièces, trouvées dans les papiers de Robespierre et complices, Faction Proli; A. Mathiez, Affaire de la compagnie des Indes.

2) См. об этом комитете прекрасную статью M. Létacou в Annales révolutionnaires, t. VII.

Эти договоры незаконны, потому что для удовлетворения своих потребностей генералы должны были обращаться в учрежденную Пашем директорию покупок. Поэтому Камбон протестовал против этих договоров, но совершенно безрезультатно. Дюмурье угрожает, что подаст в отставку, и после этого Конвент 13 декабря разрешает ему непосредственно заключать договоры в случаях крайней надобности.

Анри Симон привлекает своего брата Мишеля для помощи ему в его поставках. Последний спешит покинуть Париж 17 ноября 1792 г. Из письма, написанного им в тот же день к Тор де-ла-Сонд, которое впоследствии было захвачено в бумагах Сен-Леон, видно, что он находился в самых лучших отношениях с окружавшей Дюмурье шайкой спекулянтов и с самим Дюмурье¹⁾.

Братья Симон больше заботятся о получении сумм, помеченных в их договорах, чем об исполнении пунктов договора. Они уже 19 декабря посылают требование комиссарам бельгийской армии Дантону, Камюсу, Делакруа, Госсюену. Комиссары посылают это требование в Конвент. Оно вызывает 22 декабря 1792 г. резкие замечания Трейлара о хищениях в армиях. Но собрание приказывает, чтобы пока Анри Симону была уплачена половина цены за доставленные товары.

1) Это письмо фигурирует в документах несгораемого шкафа № 237. Подпись была неправильна, благодаря опечатке: Simons вместо Simon. Адресат этого письма Тор де-ла-Сонд был авантюристом, замешанным в бельгийской революции и скомпрометированным в измене Дюмурье.

По новому договору, заключенному на этот раз с Ронсеном, преемником Малюса, Анри Симон обязуется перевезти в Льеж весь имеющийся в его распоряжении фураж. Фураж остался в Лувене, очевидно, ввиду отсутствия подвод, и французская кавалерия сильно пострадала.

Комиссары Конвента, которым было поручено расследовать действия Дюмурье, Дантона, Госсюена, Делакруа и Камюса, несмотря на их искреннее желание понравиться генералу, тем не менее не могли в своем докладе не дать отрицательной оценки договоров Симона, так вопиющи были злоупотребления. «Комиссары Национального конвента высказывали мнение, что Анри Симон и многие другие воспользовались голодом, который терпела армия Республики и который они усилили еще скупками. Они сильно подозревали, что большая часть тех лиц, которые явились, чтобы помочь армии в ее нужде, были между собой связаны и соединились, чтобы разделить между собой дань, которую они наложили на казну республики».

Это скорее сожаление, чем порицание! К тому же это платоническое сожаление, потому что комиссары не требовали никаких мер ни против Симона, ни против Дюмурье.

* * *

Дантон покровительствовал Дюмурье. Стоит только прочесть следующее письмо Дюмурье к Дантону,

писанное накануне 21 января, чтобы видеть, до какой степени близки были отношения этих двух людей.

«Клиши, 20 января 1793 г., II год республики.

Гражданину Дантону, депутату Национального конвента.

Я был обвинен Гассенфрацом с трибуны друзей свободы и равенства, и не нашлось ни одного честного гражданина, который высказал бы хоть малейшее сомнение по этому поводу; не сочли даже нужным сообщить мне документы, которые Гассенфрац, говорят, представил в бюро. Вот награда за мои услуги, вот меры, которые принимают, чтобы заглушить справедливые жалобы всех генералов на вызывающее тревогу состояние наших храбрых войск, которые после блестящих побед гибнут от нужды! Таким образом готовят кровавые катастрофы и гибель нашей свободы. Я показал, что я умею побеждать врагов республики. Но у меня нет оружия против клеветы, она может возобновиться каждую минуту в новых формах. Принадлежа целиком моему отечеству, я не имею времени заниматься собой.

Вы вернулись из Бельгии, дорогой Дантон. Важные функции, которые вы там выполняли, сделали вас неподлежащим отводу свидетелем. Скажите все, что вы видели, с тем беспристрастием и с той энергией, которые свойственны вам. Будьте моим адвокатом, если вы считаете меня хорошим гражданином и честным человеком. Я не могу больше являться в общество, одной из твердых основ которого я был, пока я не буду оправдан от клеветы Гассенфраца. Если мои братья так слепы или так несправедливы, что не видят, что целью этой клеветы является желание отвлечь внимание общества от опасностей, угрожающих Франции, благодаря ошибкам людей, которые клеветают на меня, я попрошу Национальный конвент приказать Гассенфрацу представить суду те документы, которые он, говорят, представил в бюро якобинского клуба. Тогда он будет уличен, или же я буду наказан. Нельзя оставлять во главе республиканской армии генерала,

подвергшегося грубым обвинениям, и я сам не возьму опять на себя командование раньше, чем будет окончен этот скандальный процесс. Я появлюсь на этой трибуне, где меня всегда встречали с выражением уважения и дружбы, только тогда, когда мои братья будут знать, что я достоин их доверия. Время не терпит, и моя судьба связана со спасением отечества — все равно, невинен я или виновен. Действуйте в соответствии с вашей правдивостью и с вашим гражданским чувством.

Ваш согражданин Дюмурье¹⁾.

Чтобы понять это письмо и оценить всю важность его, надо перенестись в тот момент, когда оно было написано.

Оставив свою армию, расквартированную близ Льежа, Дюмурье 1 января 1793 г. прибыл в Париж, чтобы оправдаться от тяжелых обвинений, возведенных на его администрацию военным министром, честным Пашем и финансистом Камбоном. Он во что бы то ни стало хочет потушить скандал с поставками Эспаньяка и Симона, добиться освобождения своих агентов Малюса и Птижана, которые уже с начала декабря находились под стражей и о которых велось следствие. Он пытался смягчить Камбона, с которым добился двух свиданий в начале января. Но это ему не удалось. Он знает, что влиятельная группа среди якобинцев относится к нему враждебно, что Марат и подчиненный Паша Гассенфрэн руководят этой партией. Именно Гассенфрэн, заведующий административной частью в военном министерстве,

¹⁾ Archives nationales, F⁷, 6888.

донес на него, а также и на д'Эспаньяка якобинскому клубу, в заседании 3 декабря 1792 г. Он хочет снова добиться расположения клуба и заставляет действовать своих сторонников, которых он пока сохранил еще там.

Торговец вином Дефье, друг Шабо и покровитель притона Сент-Амарант, близкий друг того Проли, которого Дюмурье знал в начале бельгийской революции в 1790 г., состоит вице-председателем клуба. Он употребляет все свое влияние, чтобы помочь генералу.

31 декабря он доносит на Паша, и клуб поручает ему сообщить военному министру о протестах общественного мнения по поводу нужд армии! Гассенфрэн принимает его, раскрывает ему дела, но не убеждает его. Дефье сообщает в клубе, что Дюмурье, все еще состоящий его членом, вскоре посетит его. Посещение все откладывается, и 20 января, в тот именно день, когда Дюмурье писал Дантону, один член клуба, имя которого не указано, напоминает Дефье о сделанном им обещании, что Дюмурье придет на это заседание.

Дюмурье колеблется. Он видится с Дефье и Проли за обедом у Бонкарера¹⁾. Последние убеждали его

¹⁾ Жанбон Сент-Андре, друг Проли, также фигурирует среди гостей. Около того же времени Бонкарер и Проли объединили главных руководителей клуба на обеде у Жирардена, знаменитого содержателя ресторана в Пале-Рояль (см в le Procès d'Hébert, донесение Муана, Самба, Дюфурни и т. д. См. также Мемуары Дюмурье, Лондон, 1794, т. 1, стр. 67).

д'Эрбуа внес некоторый диссонанс в эту идиллию, высказав сожаление, что Дюмуре был слишком великодушен по отношению к пруссакам, и давал ему республиканские советы. Спустя несколько дней, 22 октября, Бентабол обратил в якобинском клубе внимание на то, что с тех пор, как Дантон был выбран председателем, он один только раз председательствовал: «и это было для того, чтобы ответить Дюмуре красивой речью. Вчера,—продолжал он,— он был на заседании, его попросили занять председательское место, но он не захотел; если он не желает быть председателем, пусть откажется!»

Проницательные якобинцы не сомневались в единодушии, существовавшем между Дантоном и Дюмуре. Они оба обедали у общих друзей и вместе являлись на спектакли.

Мы в настоящее время знаем гораздо больше, чем знали современники. Мы знаем из опубликованной переписки агента Питта — Вильяма Августа Майльза,—из мемуаров первого министра Испании Годоя, из депеш нашего тайного агента в Лондоне Ноэля, друга Лебрена и друга Дантона, из писем Ноэля к Дантону, из писем молодого Мерже, двоюродного брата Дантона и секретаря Ноэля¹⁾, из мемуаров Теодора Ламета, из признаний Шабо

1) Одни из них сохранились в архивах министерства иностранных дел, другие в Archives nationales. Мы предполагаем опубликовать важнейшие из них.

в письмах к Дантону, писанных из тюрьмы, напечатанных в моей книге о деле Индийской компании,— что соглашение между Дантоном и Дюмуре с ноября и декабря имело целью спасение Людовика XVI за взятку в два миллиона, которые предполагалось вырвать у английского правительства.

Это было в то время, когда Дюмуре был обвинен Пашем и Камбоном за свои договоры о поставках в Бельгии. Вестерман и д'Эспаньяк вернулись из армии, чтобы принять меры прогив обвинения. Появившись у решетки Конвента 1 декабря 1792 г., д'Эспаньяк для оправдания разорительной покупки оружия в Англии смело ссылался на свидетельство Дантона, и Дантон поддерживал его своим молчанием. Будучи назначен комиссаром в Бельгию для расследования финансовой администрации Дюмуре, Дантон покрывал генерала. Ноэль экстренно прибыл из Лондона и виделся с Дантоном и Дюмуре в Льеже около 10 декабря. По своем возвращении в Лондон он начал кампанию для получения двух миллионов для спасения короля, прося Майльза представить Талона Питту.

Талон, который привлек Дантона в тайную полицию Людовика XVI, был также агентом Дюмуре, который покровительствовал его дяде Сент-Фуа, он, который спекулировал вместе с ним на поставках¹⁾.

1) См. в документах несоразмерного шкафа № 83 письмо Талона к Дюмуре для рекомендации ему поставщика Парка и № 89 письмо этого же Парка.

Мне кажется весьма вероятным, что Дюмурье знал о попытках Талона и Ноэля спасти Людовика XVI. Таким образом, позднейшие обвинения Робеспьера и Сен-Жюста находят себе веское подтверждение.

Дюмурье говорит в своих мемуарах, что во время своего пребывания в Париже, в январе 1793 г., он пытался заинтересовать членов Конвента в сохранении жизни королю, но он скоро заметил, что его усилия не имеют никаких шансов на успех. Он объясняет свою неудачу у Дантона и Делакруа бестактностью Бертрана де Моллевиля, который угрожал им раскрыть их сношения с Двором. «Сами эмигранты,—говорит он,—благодаря неразумной привязанности, делали губительные попытки. Бертран, бывший морской министр, эмигрировавший в Англию, считал возможным спасти короля посылкой в Конвент документов, доказывавших, что все вели переговоры с королем, чтобы обманывать его и вымогать у него деньги. Дантон и Делакруа в особенности были так бесспорно замешаны, что они погибли бы, если бы Дантон, властитель Горы, т. е. партии якобинцев, и Лакруа, пользовавшийся влиянием в Равнине, т. е. среди «беспристрастных» в Собрании, не приложили всех своих усилий, чтобы похоронить документы вместе с несчастным королем. Таким образом, попытка министра Бертрана ускорила падение Людовика вместо того, чтобы спасти его¹⁾».

1) D u m o u r i e z, *Memoires*, édition de 1794, t. I, pp. 48—49.

Эдмонд Зелигман в самом деле подтверждает, что документы, посланные Бертраном де Моллевилем из Лондона защитникам Людовика XVI, не были им переданы, но что их замяли в комиссии 21, которая должна была разбирать процесс Людовика XVI¹⁾.

Дантон обещал Теодору Ламету, что он приложит все усилия, чтобы спасти Людовика XVI при том условии, что это можно будет сделать без вреда для него самого, в противном же случае он будет голосовать за смерть короля. Досье Бертрана де Моллевиля было для него сильной угрозой, и этим объясняется его голосование.

Монтаньяры робеспьеристы, враждебно относившиеся к Дюмурье, непримиримые в процессе короля, держали Дантона в своих руках. Подобно тому как он не осмеливался выступить в Конвенте в пользу Людовика XVI, он не осмелился выступить в пользу Дюмурье в клубе якобинцев. Для него было бы слишком рискованно открыто выступить в клубе против Гассенфраца, против Камбона, против Марата, против Бентабола. И поэтому он молчал. Патетическая сцена 14 октября больше не повторилась. Дюмурье не явился в клуб якобинцев, потому что Дантон изменил ему в последний момент. Но его письмо от 20 января 1793 г. остается неоспоримым доказательством тех прав, которые он имел на своего друга и сообщника.

1) *La justice en France pendant la Révolution*, t. II, p. 447.

Это письмо объясняет нам, почему поставщик Симон, к которому мы возвращаемся после этого отступления, не боялся этого фиктивного допроса, которому подвергли его Дантон и Делакруа. И в самом деле, братья Симон мало интересовались чисто теоретическим порицанием, которое вынесено было им в докладе комиссаров. Они вернулись во Францию весной 1793 г. после поражений, благодаря которым мы потеряли Бельгию. Оба с тех пор живут в Париже, 19, Faubourg Poissonnière. Мишель Симон привез с собой своего зятя Анри Тьерри, уроженца Дюнкирхена, которому в 1793 г. было 26 лет, и свою сестру Марию Симон, вышедшую замуж за парижанина Мишеля Ланграна, которому было всего 21 год. Все они держат многочисленный штат прислуги и живут на широкую ногу.

Мишель Симон в августе 1793 г. купил у гр. Лежандра за 400 тыс. ливров большое имение в Узуерла-Ферриер. Кроме того у него была в Прюне, близ Люсиенн (в настоящее время Лувесиенн) другая дача, расположенная недалеко от Марли. У него много денег, потому что он участвует в большом банке Греффюль и Мон.

Братья Симон, конечно, наслаждаются жизнью: Анри, поставщик Дюмурье, имеет любовницу Марию-Агату Орио, по прозвищу д'Этривиль, которая в 1794 г. заявила, что ей всего 17 лет. У нее две

квартиры, rue l'Echiquier n° 21 и rue du Faubourg Monmartre n° 98. Анри Симон подарил ей обстановку и драгоценные камни.

Мишель Симон, хотя и женатый, также не обходится без любовницы. В январе 1793 г. он обзавелся Анжеликой-Меланией Варез, корсиканкой, родом из Бастиа, незаконнорожденной и сиротой, которая заявила, что ей 19 лет. У нее сперва был возлюбленный англичанин, по имени Бегген, портрет которого она сохранила. С Мишелем Симоном она остается всего три месяца, затем переходит к генералу Морретон-Шабрильяну. Но Мишель Симон заказал для нее художнику Гюльну свой портрет.

После Варез Мишель Симон взял себе в любовницы Марию Лемер д'Антиньи, живущую на rue de Notre Dame des Victoires, n° 25, по ее словам ей 22 года.

Как умные поставщики, братья Симон имели политические связи. Когда у власти была Жиронда, они принимали у себя Барбару. Затем они стали посещать монтаньяров. Шабо два раза обедает у мадам Мишель Симон. Министр Соединенных Штатов, Моррис, посещал ее салон. Камилл Демулен, Фабр д'Эглантин, Рише де Серизи были в числе ее постоянных посетителей. Аббат Луи, будущий министр при Реставрации, также бывал там. Проли и Дефье, которые были неразлучны, часто приходили обедать.

Дефье был хорошим громоотводом в якобинском клубе. Наконец, среди посетителей гостеприимного дома часто встречали привратника Конвента Роза,

которые принадлежал также к числу друзей английского банкира Бойда¹⁾.

В те смутные времена было благоразумно иметь высокопоставленных друзей. После измены Дюмурье на братьев Симон был сделан донос, что они являются сообщниками крамольного генерала. У Мишеля был сделан обыск в его доме в Прюне. Секция арсенала посадила его в тюрьму. Но он оставался там всего один день. Шабо властвовал тогда в Комитете общественной безопасности, а Дантон только что вошел в Комитет общественного спасения.

Братья Симон вскоре опять приобрели прочное положение. Они потребовали от государства сумму в 1.700 тыс. ливров, которая, по их уверениям, следовала им еще за поставки для армии в Бельгии. Они отыскивали Жюльена из Тулузы, друга Шабо и покровителя д'Эспаньяка, для поддержки их требования, и 5 октября 1793 г. Конвент решил без дебатов, случайным голосованием, назначить комиссию для

1) См. мою книгу *Robespierre terroriste*, p. 19. Досье архивов F⁷ 4778¹⁹ дает мне возможность дополнить биографию Роза. Жак Огюст Роз родился в Ланкастере, в Пенсильвании в 1760 г. Он приехал в Париж в начале 1785 г., женился там, был связан в течение пяти лет с семейством Монтескью в качестве учителя английского языка. Монтескью и Гильотен в качестве инспекторов залы назначили его на должность привратника Учредительного собрания в 1789 г. Он сохранил свое место при Законодательном собрании и при Конвенте. Он жил сначала на rue Basse du Rempart № 21, а затем в 1794 г. на rue Grenelle № 99.

рассмотрения требования поставщиков бельгийской армии. В комиссию вошли Франкастель, Эшасерио, старший Буше, Сен-Совер, Базир, Жюльен (из Тулузы), Гарнье (из Масса)²⁾. Но по воле Жюльена комиссия не функционировала. Она намеревалась произвести расследование о поставщиках, а не ограничиться простым рассмотрением их счетов. Жюльен из Тулузы жаловался в Конвенте 1 ноября, что комиссия превышает свою власть; Сержан упорно ругал ее. Он указывал на этих старых сообщников Дюмурье, которые теперь доносили на него и проявляли преувеличенный патриотизм. «Я думаю,— сказал он в заключение,— что комиссия по делам Бельгии должна рассмотреть поведение этих субъектов, прикрывающихся личиной мнимого республиканства, которые хотят посредством преувеличений заставить забыть о их вероломстве и изменах». Жюльен безуспешно пытался ответить, что единственная роль комиссии состояла в рассмотрении требуемого поставщиками покрытия убытков вследствие потери на ассигнатах при обмене их на деньги, а что остальные вопросы касаются или комитета покупок или трибуналов. Шарлье грубо заставил его замолчать: «А я не понимаю, почему хотят установить разницу между ассигнатами и деньгами. Кто первый начал пред'являть такое требование? Вероломный Дюмурье Я требую отмены декрета, посредством которого вы

2) Archives parlementaires, t. LXXVI, p. 123.

поручили комиссии рассматривать такого рода требования»¹⁾. Конвент согласился с этим мнением и упразднил комиссию. Таким образом, Анри Симон не получил своих 1.700 тыс. ливров.

Но на него опять посыпались доносы. Автором одного из них, может быть, самого серьезного, был его прежний собутыльник и друг Фабр д'Эглантин, который включил брюссельских банкиров в список интриганов и заграничных агентов, тайно переданный им правительственным комитетам в начале октября 1793 г. «Каким образом, — писал Фабр д'Эглантин в своем 15-м вопросе, — Дефье и Проли, будучи большими патриотами, неразлучны с самыми опасными иностранными банкирами, каковы: Валькиерс, Симон из Брюсселя, агенты императора; Гренюс из Женева, который арестован, неразлучный друг Проли, Греффюль и Мон, другие агенты императора?» И Фабр прибавляет еще, что Дефье и Проли таскали Шабо «к Симону и его женщинам»²⁾.

Братья Симон, охарактеризованные членом Конвента, который имел доступ в советы правительства, как очень опасные иностранные банкиры, агенты императора, были тотчас же указаны революционной полицией. Новый донос на них был сделан 25 брюмера в Комитет надзора секции Майль, прежде

1) Archives parlementaires, t. LXXXVIII, p. 137.

2) О доносе Фабра д'Эглантина см. мою книгу *La Conspiration de l'étranger*, ch. 1, а о его последствиях книгу *L'Affaire de la compagnie des Indes*.

Вильгельма Телля. На следующий день, когда Шабо и Базир в свою очередь донесли в правительственные комитеты о большом политико-финансовом заговоре, в который они, по их словам, вступили только с тем, чтобы уничтожить его, комитетам был издан приказ об аресте банкиров как тех, которые были названы в доносах, так и тех, которых Фабр указал раньше. Братья Симон были в том числе рядом с де-Бацом, Бенуа, Проли, Дюруа и Бойдом¹⁾. Но замечательное дело, все эти банкиры не были арестованы, за исключением Проли, который, впрочем, был схвачен только 1 вантоза.

Мишель Симон находился по делам в Дюнкирхене, когда был издан приказ об его аресте. Не видно, чтобы сделано было хоть малейшее усилие найти его. Ограничились тем, что вместо него арестовали известного Сен-Симона, будущего теоретика социализма, который занимался тогда спекуляциями национальными имуществами вместе со своим компаньоном графом Редерн, прусским подданным²⁾. Что касается его брата Анри, то он был в Базеле, в Швейцарии, откуда он не спешил вернуться. Одним словом, приказ 27 брюмера остался мертвой буквой.

1) Я напечатал этот приказ об аресте в *Affaire de la compagnie des Indes*, p. 110. Когда я писал эту книгу, мне не удалось еще отыскать имена братьев Симон.

2) См. в *Annales historiques de la Révolution française*, декабрь 1925 мою статью об аресте Сен-Симона.

Комитет общественной безопасности 18 плювиоза опять издал приказ об обыске и аресте братьев Симон, их жен, их прислуг, их любовниц, а также их друга Роза и биржевого маклера Куандра, как будто Комитет совершенно забыл о прежнем приказе. На этот раз приказ был исполнен стараниями полицейского Доссонвилля, который отправился в предместье Poissonnière, 19 в сопровождении отряда в 8 человек.

Жена Мишеля Симона, сестра и зять его Лангран, камердинер Франсуа Ришон, по прозвищу Ришар, были допрошены и арестованы 19 плювиоза. Затем пришла очередь девицы Орио, по прозвищу Этервиль, и девицы Марии Лемер, по прозвищу Антиньи, 24 плювиоза, девицы Водуайе 25 плювиоза, затем привратника Роза 26 плювиоза, девицы Варез 27 плювиоза, биржевого маклера Николая Куандра в тот же день.

Роз воспользовался привилегией своей службы и остался на свободе. Он продолжал свою службу в Конвенте под надзором двух жандармов.

Николай Куандр энергично протестовал против своего ареста. Он напоминал в многочисленных докладных записках, что он принимал активное участие в революции на родине в Дофине ¹⁾, что он участвовал вместе с народом в осаде Бастилии

¹⁾ Николай Куандр заявляет, что он родился в Бли в Эне, что ему тридцать три года, что у него есть земля в окрестностях Гренобля; свое состояние он оценивает в 500 тыс. ливров.

14 июля 1789 г., что дистрикт ла-Тур дю-Пен делегировал его на праздник федерации 14 июля 1790 г., что он стал республиканцем со времени бегства короля в Варенн и что он радовался присуждению короля к смертной казни. Он указал, что был другом лионского революционера, мученика Шалье, который часто посещал его во время своих поездок в Париж. Он представил лестные свидетельства от своей секции, которая избрала его казначеем комиссии по производству пороха (com. des salpêtres). Он заявил, что Мишеля Симона знает только с виду и что все его сношения с ним состояли в том, что он служил посредником, когда тот хотел купить поместье Лашовене в Озуер ла-Ферриер в департаменте Сены и Марны. Тем не менее его оставили в тюрьме, откуда он вышел только 19 термидора.

К Куандру отнеслись очень строго, но к Мишелю Симону были очень снисходительны. Его не разыскивали в Дюнкирхене, откуда он спокойно поехал в Гамбург.

Это объясняется тем, что Мишель Симон, как и Перрего, пользовался неприкосновенностью с тех пор, как он приложил свои способности на службу республике.

19 вантоза комиссия торговли возбудила о нем ходатайство в Комитете общественного спасения. Она указывала, что он купил в Гамбурге на собственный счет партию зерна для двух транспортов и что накладную на первый из этих транспортов он

передал капитану датского корабля Паулю Бьерку. Затем Мишель Симон предложил комиссии 1.500 квинталов соленой говядины по ценам, которые вместе с доставкой в гавани республики обходились дешевле минимума. Кроме того он предложил еще 4.000 квинталов пороха. Когда в голодающей Франции чувствовался недостаток во всем, как в боевых запасах, так и сѣстных припасах, такой человек являлся очень ценным. Робер Ленде поддерживал доклад торговой комиссии, составленный Жуанно. Он возбудил ходатайство 18 жерминаля и 13 флореаля. На этот раз, 13 флореаля Комитет общественного спасения решил заступиться за него в Комитете общественной безопасности, который издал приказ об аресте..

Он указал, что если печати не будут сняты с бумаг и вещей жены Мишеля Симона, то его банкирский дом принужден будет прекратить платежи. «Он должен уплатить 40 тыс. ливров, срок истек уже два дня тому назад; если платежи не будут сделаны, кредит гражданина Симона пострадает за границей. Товары не будут отправлены». Комитет считал нужным прибавить, что если коммерческие предприятия получают слишком широкую огласку, они потерпят неудачу во всех портах ¹⁾.

Комитет общественной безопасности сделал то, о чем просил его Комитет общественного спасения. Он

¹⁾ Письмо подписано Колло д'Эрбуа, Карно и Робером Ленде.

приказал 16 флореаля снять печати в помещениях братьев Симон. Но, повидимому, приказ этот не был исполнен, потому что 3 прериаля Комитет общественного спасения опять вмешаться принужден был. Он еще раз указал Комитету общественной безопасности, что гражданин Мишель Симон очень полезен республике. «У нас такой ничтожный кредит за границей, захватом мы не можем удовлетворить наших потребностей. Нам нужна разумная и правильная торговля. Наши мануфактуры придут в упадок, если мы не будем вывозить. Не все люди знакомы с морской торговлей» ¹⁾. Комитет общественной безопасности ждал, однако, до 19 прериаля с изданием приказа о снятии печатей. Но за то это было исполнено, наконец, в тот же день. Но гражданка Симон осталась в тюрьме.

Она была освобождена только 28 термидора по ходатайству депутата Бопре.

Эти заметки, без сомнения, очень неполны. Тем не менее они не только дают нам возможность бросить взгляд на окружающую Дантона обстановку и на его сношения с поставщиками, они помогают нам также понять некоторую непоследовательность революционной политики. Необходимость репрессий, воплощением которой является Комитет общественной безопасности, сталкивается с необходимостью дать жить стране, что было главной задачей комитета

¹⁾ Те же подписи.

общественного спасения. Сколько бы ни подозревали поставщиков в подкупах, в интригах с неприятелем, но без их сотрудничества нельзя было обойтись. «Не все люди знают морскую торговлю!» Даже самые революционные правительства не сумели освободиться от услуг коммерсантов. Таким образом, те, на которых террор должен был бы обрушиться всею своей тяжестью, избегли его.